

МИЛЕШИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII –
СЕРЕДИНЫ XIX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-
ЕВРОПЕЙСКИХ И СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ
РОССИИ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре отечественной истории и этнологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Введенский Ростислав Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук

Марасинова Елена Нигметовна (Институт российской истории РАН, г. Москва)

доктор исторических наук, профессор

Юрченков Валерий Анатольевич (директор ГКУ РМ «НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ», г. Саранск)

доктор исторических наук, профессор

Сухова Ольга Александровна (зав. кафедрой новейшей истории России и краеведения ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный педагогический университет»)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Защита состоится «__» _____ 2012 года в 10 ⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, 74, ауд. 3.11, корпус Института истории КФУ

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н. И. Лобачевского ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35, с авторефератом – на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Д. Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. История повседневности, «живая история» различных социумов и социальных групп на современном этапе развития исторической науки выступает одним из ключевых и приоритетных направлений. Исследование повседневной жизни конкретных сословий, социальных групп позволяет не только выявить их статусные особенности, место в социальной структуре и процессе развития общества, но и обозначить каналы взаимодействия власти и общества, определить социально-экономический, политический и духовный уровень развития государства, выделить особенности национального менталитета.

В этой связи представляет интерес культура повседневности российского дворянства, которое не только обладало статусом опоры самодержавия, интеллектуальной элиты, передового сословия, но и, как правило, первым аккумулировало новые тенденции в развитии российского общества. В этом отношении особенно показательна вторая половина XVIII – середина XIX столетий – время расцвета усадебной культуры и распространения в России идей Просвещения, перехода страны от средневековья к Новому времени, от феодальных ценностей к буржуазным приоритетам.

При этом особую значимость приобретает изучение повседневности провинциального среднепоместного и мелкого дворянства, которая, с одной стороны, более типична для этого сословия, а с другой – более дифференцирована и контрастна, чем столичная. Объективный анализ дворянской повседневности как целостного и многостороннего явления невозможен и без использования межрегионального подхода, в том числе, на материалах Центральной России и Среднего Поволжья.

Обращение к утраченным традициям благородного сословия, его «вечным» ценностям обусловлено и целым рядом требований эпохи рубежа XX–XXI столетий. Необратимый процесс гибели уникального усадебного наследия дворянства (по данным Общества изучения русской усадьбы 70 % сегодняшних усадебных руин появились в последние 15 лет)¹ лишает исследователя повседневности возможности изучить дворянский быт «изнутри», почувствовать неповторимую усадебную атмосферу.

Серьезные социальные проблемы вызывают и кризисные явления в духовной сфере современного российского социума, преодолению которых могла бы способствовать актуализация благородных идеалов, этикетных норм, «вечных ценностей», религиозной культуры дворянства, системы детского образования и воспитания.

Актуальность поставленной проблемы подтверждается и дискуссиями исследователей, связанными с содержанием категории «повседневность», ко-

¹ Алявдин В. И. Общественные организации в деле сохранения недвижимых памятников культурного наследия // Материалы X Голицынских чтений 25-26 января 2003 года. – Большие Вяземы, 2003. – С. 29.

торая традиционно ассоциируется в нашем сознании с привычным, рутинным, обычным течением жизни. Однако границы этого феномена до сих пор четко не определены. Применительно к дворянству, в категорию «повседневность» исследователи традиционно не включали управление имением, предпринимательскую деятельность, участие «благородных» в деятельности сословных учреждений. Между тем, названные составляющие образа жизни не только занимали значительную часть времени дворянства, определяли специфику его жизненного уклада, но и выступали в качестве социально-экономических основ повседневной жизни, определяли ценности и поведенческие нормы дворян. Соответственно, возникает необходимость детального анализа дефиниции «повседневность» как в целом, так и применительно к дворянству.

Научная новизна исследования определяется тем, что повседневность дворянства центрально-европейских и средневожских губерний второй половины XVIII–середины XIX вв. не являлась предметом специального межрегионального исследования. В качестве важной составляющей дворянской повседневности не рассматривалась экономическая деятельность дворянства и его работа в сословных учреждениях.

Исследование основывается на систематизации и анализе широкого спектра архивных источников, извлеченных из центральных и региональных архивов, значительная часть которых впервые введена в научный оборот. Разнообразие источниковой базы, включающей законодательные акты, делопроизводственные материалы, источники личного происхождения, нравоучительные издания, публицистику позволило не только выявить специфику повседневности дворянства в различных регионах, но и обозначить особенности повседневной дворянской культуры в целом. При этом учитывалась динамичность повседневной жизни дворянина и степень влияния на неё ряда факторов, среди которых – древнерусские традиции и обычаи, европеизация, государственная политика, специфика каждой эпохи, новые тенденции во всех сферах российского общества, личный пример монарха, дифференциация дворянства.

Объектом исследования является повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX столетий, а его **предметом** – сословная и региональная специфика экономической, корпоративной, семейной, будничной повседневности дворянства центрально-европейских и средневожских губерний России в обозначенный период.

Цель работы – исследование повседневности провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв. в межрегиональном контексте.

Достижение поставленной цели возможно при решении ряда **задач**:

- на основе анализа основных концептуальных подходов к дефиниции «повседневность», определить сущность, содержание и структуру обозначенной категории применительно к дворянству;

- проанализировать социальную политику самодержавия в контексте её влияния на повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв.;
- показать эволюцию усадебного пространства и её специфику в Центральной России и Среднем Поволжье;
- выявить региональные особенности экономической и корпоративной деятельности дворянства как неотъемлемой части его повседневной жизни;
- выделить новые и традиционные черты в образе жизни и нравах дворянской семьи центрально-европейских и средневожских губерний;
- обозначить характерные черты и региональные особенности дворянского воспитания и образования, системы ценностей дворянства;
- определить степень соотношения традиционного и нового в сезонных и повседневных развлечениях, домашних обрядах дворянства Среднего Поволжья и Центра России;
- показать причины уникальности и характерные особенности культуры повседневности дворянства.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XVIII – середину XIX столетий – время расцвета усадебной культуры, который начался в период «золотого века» российского дворянства и продолжался в первой половине последующего столетия. Обозначенный период характеризуется и распространением в России идей Просвещения, которые оказали существенное влияние на культуру повседневности провинциального дворянства. Нижняя граница обоснована тем, что в середине XIX в., накануне «великих реформ» Александра II, начали формироваться предпосылки для последующего кризиса и упадка дворянской культуры.

Территориальные рамки исследования включают в себя как центрально-европейские (Тверская, Ярославская, Нижегородская, Тульская), так и средневожские губернии (Пензенская, Симбирская). При ограничении территориальных границ мы руководствовались следующими критериями:

1. Удаленность губернии от центра. Тверская, Ярославская, Нижегородская, Тульская губернии концентрировались вокруг Москвы, имели возможности для перманентного взаимодействия со столицей, императорской властью, обладали условиями для восприятия столичных образцов поведения и ценностных ориентиров. Средневожские губернии находились в положении «догоняющих» столицу регионов, часто становились местом сосредоточения преследуемых властью дворян, что обусловило целый ряд особенностей культуры повседневности местного дворянства. В Среднем Поволжье редко проживала столичная аристократия; местные помещики не могли так часто выезжать в Москву, как дворяне центральных губерний, соответственно, повседневная дворянская культура имела здесь больше оснований сохраниться в «чистом» виде, не теряя свою провинциальность.

2. Степень концентрации дворянства в регионе. Центрально-европейская часть империи характеризуется высокой степенью концентрации в ней дворянских усадеб, преобладанием типичных представителей дворян-

ской ментальности и культуры. Средневожские губернии, где уровень концентрации дворянских усадеб гораздо ниже, были населены дворянством, которое может быть названо провинциальным в полном смысле слова. Разбросанность усадеб на значительном территориальном пространстве, с одной стороны, придавало разнообразие формам коммуникации и обеспечило высокую мобильность средневожских дворян, с другой – создавало ту уединенность, тонкую взаимосвязь с природой, которая придавала неповторимость усадебной атмосфере.

3. Уровень дифференциации помещичьих хозяйств. Средневожские губернии (Пензенская, Симбирская) отличались преобладанием среднепоместного и мелкого землевладения при незначительном удельном весе крупного земельного фонда, что было типично для провинциального дворянства в целом. Соответственно, использование материалов средневожских губерний позволяет выявить отличительные особенности провинциальной повседневной дворянской культуры. В то же время исследование дворянства центральных губерний дает возможность определить характерные черты повседневной жизни крупной аристократии, удельный вес которой в центрально-европейской России самый высокий.

4. Хозяйственный облик губернии. Образ жизни, распределение времени, систему ценностей дворянина, атмосферу в его усадьбе во многом определяла хозяйственная специфика региона, в котором он проживал. Поэтому особое внимание в исследовании уделено как промышленным (Тверской, Ярославской, Нижегородской), так и земледельческим губерниям (Тульской, Симбирской и Пензенской).

Теоретическим, историографическим и источниковедческим аспектам изучения проблемы посвящена отдельная глава, в которой анализируются основные концептуальные подходы к определению сущности и структуры дефиниции «повседневность», выявлены достижения и противоречия в развитии приоритетных направлений отечественной и зарубежной историографии поставленной проблемы, проанализированы основные виды источников и методы их источниковедческой критики.

В качестве **методологической основы** настоящего исследования был избран *модернизационный подход* к изучению истории. Сторонники обозначенного подхода рассматривают историю как единый закономерный процесс, сопровождающийся модернизацией – комплексом всеобъемлющих инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу. При этом особый интерес вызывают социо-культурные аспекты модернизации, её влияние на повседневную жизнь провинциального дворянства, что позволяет придать человеческое измерение экономическим и политическим процессам, происходящим в обществе.

Работа основывается на *принципах историзма, объективности и системного анализа*, предусматривающих исследование событий и явлений прошлого во всей их сложности, противоречивости, взаимной обусловленности, в полном соответствии со спецификой исторической эпохи. В работе

были реализованы и *общенаучные методы исследования* – структурно-функциональный, логический, оценочный, классификационный. Среди *специально-исторических методов* в исследовании нашли применение системно-структурный и компаративный методы. Так, *компаративный подход* позволил выявить (на основе сопоставления разноплановых источников) не только закономерности и особенности повседневной жизни, ментальных установок провинциального дворянства Центра и Среднего Поволжья России, но и те традиции и ценности, которые были типичны для всего сословия в целом. Применение *системно-структурного метода* дало возможность рассматривать дворянство как особую дифференцированную общность в социальной структуре российского общества, подверженную влиянию комплекса разноплановых факторов, определяющих специфику конкретных внутрисословных групп.

Изучение ряда проблем потребовало применения междисциплинарных подходов, в частности, принципа признания главенствующей роли *гео-климатических и социально-экономических факторов в развитии общества*, которые оказывали воздействие не только на сознание, образ жизни, распределение времени дворянства, но и определяли его дифференциацию, взаимоотношения с властью, специфику экономических основ его повседневной культуры.

С последним подходом неразрывно связан *принцип причинности*, сущность которого в рамках настоящего исследования проявилось в признании обратного влияния ценностей и традиций дворянства на развитие социально-экономической, политической и духовно-культурной сфер российского общества во второй половине XVIII – середине XIX веков.

Применение ключевых положений *теории элит* позволило выделить два важнейших для российского социума процесса: с одной стороны, дворянство первым впитывало все новации в развитии общества, и соответственно, оказывало влияние на другие сословия, а с другой – элитарность предопределяла сознательное дистанцирование дворянства от других социальных слоев, что стало источником последующих социальных конфликтов и неразрешимых общественных проблем.

Антропологический подход позволил сконцентрировать исследование вокруг личности дворянина во всех её многогранных проявлениях, индивидуальности и неповторимости.

Применение *гендерного подхода* дало возможность показать различия в образе жизни и менталитете дворян в зависимости от возраста и пола. В частности, особое внимание было уделено анализу женской и детской повседневности, выявлены особенности образа жизни женщины-дворянки и дворянского «недоросля», проанализированы взаимоотношения детей и родителей, показана специфика воспитания и образования дворянских детей.

Подход истории повседневности, предполагающий изучение истории «изнутри», сквозь призму прожитой жизни индивида, дал возможность абстрагироваться от восприятия представителя высшего сословия как облада-

теля особого социального статуса и исключительных привилегий, и рассматривать дворянина, в первую очередь, как обычного человека, с его чувствами и эмоциями, радостями и переживаниями, оценить эмоциональную составляющую дворянской повседневности.

Изучение повседневной жизни дворянства не представляется возможным и без применения *микроисторического анализа*, нацеленного на изучение частных явлений, происходящих в жизни отдельных людей прошлого с целью выявления представлений и тенденций, господствующих в обществе в целом.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- структура повседневности представляет собой сочетание пространственного, предметного, деятельностного, ценностного и эмоционального компонентов;

- под влиянием новых тенденций в социально-экономической, политической и духовно-культурной жизни России второй половины XVIII – середины XIX вв. в повседневной жизни провинциального дворянства происходит целый ряд качественных изменений, главными из которых являются: массовая реорганизация усадеб в соответствии с новыми экономическими и культурными потребностями дворянства, активизация и европеизация образа жизни помещиков, повышение роли общения и формирование буржуазных ценностей в дворянской провинциальной среде, трансформация патриотического сознания дворянства;

- повседневность провинциального дворянства в изучаемый период находилась под воздействием целого ряда других, «консервирующих» факторов – старорусских традиций, православных ценностей, традиционных дворянских приоритетов. В результате сформировалась культура дворянской повседневности, уникальность которой определяют: историческая миссия высшего сословия, продворянская политика правительств, взаимовлияние столицы и провинции, перманентное противоборство старых, феодальных и новых, буржуазных начал в России второй половины XVIII – середины XIX вв.;

- межрегиональный подход к исследованию повседневности позволил выделить существенные различия в повседневной жизни дворянства Центральной России и Среднего Поволжья. Под влиянием хозяйственной специализации в центральных губерниях формировался тип дворянина-новатора, использующего передовые методы хозяйствования либо в управлении помещением (в черноземных губерниях), либо в предпринимательстве (в промышленных губерниях). В Среднем Поволжье преобладал тип помещика-крепостника, который ориентировался на традиционные, административные методы ведения сельского хозяйства, что предопределяло приоритетное значение феодальных ценностей в его мировоззрении;

- концентрация центральных губерний вокруг Москвы обеспечивала высокую степень европеизации усадебного пространства, костюма и внешнего облика, поведенческих стереотипов и других составляющих повседневной

жизни дворянства. Повседневность дворянства губерний Среднего Поволжья отличалась, с одной стороны, высокой степенью традиционности, с другой – подражательностью, демонстративностью быта, вызванной стремлением соответствовать столичной аристократии. Соответственно, провинциальное дворянство Среднего Поволжья стало участником создания особого типа повседневной культуры, сохранившего элементы русских традиций в европеизированном быте России;

– удаленные от центра губернии нередко становились убежищем оппозиционных власти дворян, изгнанных из столиц – здесь быстрее, чем в центре, возникли и распространились антирелигиозные настроения, сформировалось новое, критичное отношение к власти. Подобные изменения приводили к распространению в дворянской среде девиантного (например, аморального) поведения, внутрисословным конфликтам, произволу в органах сословного самоуправления на местах;

– несмотря на целый комплекс различий, культура повседневности дворянства Центра и Среднего Поволжья России, имела и ряд общих черт, характерных для всего сословия в целом – дифференцированность и контрастность, многофункциональность, религиозность, элитарность, высокий уровень преемственности родовых традиций и зависимости от мнения «света», опора на систему сословных ценностей.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в более чем 40 публикациях, в том числе в двух авторских и двух коллективных монографиях, в одиннадцати статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Разные аспекты работы излагались в выступлениях на зарубежных, международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях (1998 – 2011) в г. Москва, Черкассы, Саранск, Пенза, Казань, Белгород, Тамбов. Результаты исследования нашли применение в реализации (при участии автора в составе группы исполнителей) двух научных проектов, поддержанных Федеральным агентством по образованию и Федеральным агентством по науке и инновациям (2009 – 2012 гг.). Многие положения и выводы исследования получили апробацию в преподавательской деятельности автора при чтении лекционных курсов по истории России, авторских курсов по выбору.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена тем, что оно охватывает ряд малоизученных аспектов дворянской провинциальной повседневности второй половины XVIII – середины XIX вв., создавая условия для комплексного исследования поставленной проблемы в межрегиональном контексте. Содержащиеся в работе конкретные данные, выводы и наблюдения могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов как по истории повседневности дворянства, так и по истории России второй половины XVIII – середины XIX вв. Теоретические положения диссертации могут найти применение в патриотическом и религиозном воспитании граждан современной России.

Структура работы. В соответствии с поставленной целью и задачами исследования диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, 14 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** работы обоснована актуальность темы исследования, обозначены цель и задачи исследования, конкретизированы его объект и предмет, поясняется выбор временного интервала и территориальных границ, обоснована методологическая основа работы, определены научная новизна и практическая значимость диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Теоретические, историографические и источниковедческие аспекты изучения проблемы»** анализируются основные теоретические подходы к категории «повседневность», обозначены итоги изучения поставленной проблемы в историографии, охарактеризованы источники и методы их источниковедческой критики.

В разделе **«Категория «повседневность»: основные теоретические подходы»** подчеркивается универсальный и дискуссионный характер обозначенной дефиниции. Во второй половине XIX в. первыми попытались определить границы и основные компоненты структуры повседневности исследователи российского (А. Терещенко, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров) и европейского быта (С. В. Ешевский, К. А. Иванов, Э. Э. Виолле-ле-Дюк, Э. Фукс, П. Гиро)¹. Теоретические основы истории повседневности заложили основатели феноменологического направления в философии, в частности, Э. Гуссерль (1859–1938) и А. Шютц (1899–1959)². По А. Шютцу, реальность повседневности существует как привычный мир повторяющихся изо дня в день действий, мыслей, событий. Впоследствии идеи А. Шютца нашли развитие в трудах его последователей Т. Лукмана, П. Бергера, Г. Гарфинкеля, А. Сикуреля, И. Гофмана и др.³

В конце 1930-х гг. немецкий социолог Н. Элиас доказал, что повседневность является составной частью структуры определенного социального слоя⁴. Представители американской критической социологии П. Бергер и

¹ Терещенко А. Быт русского народа. – СПб., 1848; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – М., 1992; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец. – М., 1990; Ешевский С. В. Женщина в средние века в Западной Европе. – М., 1870; Иванов К. А. Многоликое средневековье. – М., 1996; Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. – СПб., 1997; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов: Буржуазный век. – М., 1994; Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. – СПб., 1913.

² Шютц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1994. – С. 485.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С. 91. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб., 2007; Cicourel Aaron. Methods and Measurement in Sociology. – Harvard, 1964.

⁴ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – СПб., 2001.

Т. Лукман ввели в научный оборот понятие «повседневный мир»¹. Американские социологи Г. Гарфинкель и А. Сикурель заложили основы социологии обыденной жизни или «этнометодологии»².

Всплеск интереса к «социологии повседневности» обусловили подобные изменения и в историческом знании. Так, голландский историк Й. Хёйзинга выявил универсальные механизмы и установки сознания (и бессознательного) определенной эпохи³. Основатели «новой исторической науки» французские историки М. Блок и Л. Февр подчеркивали перспективность антропологического подхода в изучении прошлого⁴. Их последователи рассматривали историю повседневности как часть макроконтекста жизни прошлого (Ф. Бродель), придавали особое значение ментальной составляющей повседневности (А. Я. Гуревич), призывали историков обратить внимание на автоматизмы поведения (Ж. Ле Гофф)⁵.

Качественно иное понимание истории повседневности сложилось в германской, скандинавской и итальянской историографии. Германские ученые Х. Медик, А. Людтке полагали, что изучение «микроисторий» людей позволяет интерпретировать проблемы культуры как способ понимания повседневной жизни и поведения в ней⁶. Итальянские историки К. Гинзбург, Д. Леви доказывали, что без исследования случайного невозможно воссоздание социальных идентичностей⁷. Американские сторонники «новой культурной истории», основанной на изучении ментальностей, (К. Гирц) понимали повседневность как определенный тип опыта, действий и знаний⁸.

С середины 1980-х гг. понятие «повседневность» стало употребляться в российских исторических исследованиях. Ю. М. Лотман рассматривал составляющие повседневной жизни как критерии общественной позиции индивида⁹. Современные исследователи трактуют повседневность в русле параметров отдельных наук. Социологи обозначают повседневность как «обычное ежедневное существование», «род/образ жизни», этнографы – как «традиционные формы личной и общественной жизни», то есть быт¹⁰. Классиче-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С. 91.

² Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб., 2007; Cicourel Aaron. *Methods and Measurement in Sociology*. – Harvard, 1964.

³ Хёйзинга Й. Осень средневековья. – М., 1988. – С. 6.

⁴ Добролюбский А. О. Школа «Анналов» – «Новая историческая наука». – Одесса; Херсон; М., 2000. – С. 47.

⁵ Бродель Ф. Время мира. – М., 1988. – С. 17; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М., 1993. – С. 48.

⁶ Людтке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. – М., 1999.

⁷ Гинзбург К. Микроистория: 2–3 вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996; Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996.

⁸ Гирц К. Интерпретация культур. Культурология. XX век. – М., 2004.

⁹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). – СПб., 1994.

¹⁰ Магомедова А. А. Феномен повседневности. Социально-философский анализ: диссерт. ... канд. философ. наук. – СПб., 2000. – С. 9.

ским считается определение повседневной жизни как «реальности, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» (Б. С. Ерасов)¹. Другие исследователи понимают под повседневностью будничность в противоположность праздничности (Б. В. Марков), формы внешнего поведения человека (Т. С. Георгиева), множество знаковых смыслов (С. Т. Махлина)².

Стремясь определить суть понятия «повседневность», современные авторы выделяют ряд её особенностей – практический характер, прагматическая направленность интересов, материально-телесная закреплённость, телесность и активное сознание (В. Д. Лелеко), массовость и всеохватность; первичность; неоднородность; упорядоченность (Н. Л. Пушкарева)³. Структура повседневности определяется сочетанием ряда составляющих: 1) предметно-аксиологический, технологический или деятельностный и семиотический элементы (Б. И. Краснобаев, М. В. Короткова, М. И. Козьякова); 2) деятельностный и эмоциональный компоненты (Б. В. Марков); 3) физическое, перцептуальное и концептуальное пространства (В. П. Козырьков); 4) событийная область публичной жизни; обстоятельства частной домашней жизни; эмоциональная стороны событий и явлений (Н. Л. Пушкарева); 5) пространство повседневности; время повседневности; вещно-предметный ряд; событийный ряд и набор сценариев поведения (В. Д. Лелеко)⁴.

Применяя изыскания специалистов в области изучения повседневности непосредственно к дворянству следует отметить, что выглядит абсолютно бесспорным выделение в качестве важнейших компонентов дворянской повседневности макро- и микросреды обитания, «мира вещей» как индикатора особого статуса дворянина, эмоционального и деятельностного компонентов. С последней составляющей связаны и дискуссии исследователей о том, следует ли включать в категорию «повседневность» трудовую деятельность людей. Применительно к дворянству отделение производственного быта от повседневности представляется нерациональным. Экономическая и корпоративная деятельность дворянства выступала неким «фоном» усадебной жизни, влияя на его распорядок дня, ценности, эмоции, досуг, семейные заботы, ин-

¹ Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М., 1996. – С. 137.

² Марков Б. В. Культура повседневности. – СПб., 2008. – С.3; Георгиева Т. С. Частная жизнь и быт древних обществ. – М., 2005. – С. 19; Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. – СПб., 2009. – С. 223.

³ Пушкарева Н. Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. – М., 2005. – С. 19; Лелеко В. Д. Культура повседневности. – СПб., 2001. – С. 17.

⁴ Краснобаев Б. И. Русская культура XVIII – начала XIX века. – М., 1983. – С. 7 – 11; Короткова М. В. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII – первой половины XIX века. – М., 2008; Козьякова М. И. История. Культура. Повседневность. – М., 2002. – С. 4–5; Георгиева Т. С. Частная жизнь и быт древних обществ. – М., 2005. – С. 19; Козырьков В. П. Образцы повседневности и проблема их целостности // Наука и повседневность: материалы IV межвузовской конференции. – Н. Новгород, 2002. – С. 5–30; Пушкарева Н. Л. История частной жизни и история повседневности: содержание и соотношение понятий // Социальная история. 2004. – М., 2005. – С. 19.

теллектуальные запросы дворянства. Повседневную жизнь дворянства невозможно рассматривать обособленно и от его ценностных приоритетов, которые формировались в повседневной среде и оказывали обратное влияние на образ жизни, поведенческие стереотипы сословия. Благородные идеалы высшего сословия порождали его дуэльные традиции, чувство превосходства – обособленность и корпоративную замкнутость быта, надежда на царскую милость – праздность и безынициативность.

Итак, структура повседневности представляет собой сочетание пространственного, предметного, деятельностного, ценностного и эмоционального компонентов. Отсюда повседневность – это образ жизни, множественность направлений деятельности, внешнее окружение и внутренний мир человека, его ценностные ориентиры и эмоциональные переживания.

Раздел **«Повседневная жизнь высшего сословия второй половины XVIII – середины XIX веков в оценке отечественной и зарубежной историографии»** основан на том, что процесс изучения дворянской повседневности фокусируется на ряде ключевых проблем:

1. Система ценностей дворянства. Этот вопрос приобрел актуальность еще в 1750-х гг. и впервые был поставлен М. М. Щербатовом¹. «Падение нравов» благородного сословия он объяснял тем, что в результате реформ Петра Великого оно восприняло с Запада чрезвычайно низкий уровень нравственности, отсутствие патриотических и верноподданнических идеалов, склонность к лести, роскоши, притворству. На изыскания автора, безусловно, повлияла принадлежность князя к консервативной мысли и к аристократии, что обусловило явное искажение взаимоотношений дворянства с престолом и свойственное сословной элите превосходство над остальным дворянством. М. М. Щербатов заложил основы критического подхода к системе ценностей дворянства, который широко распространился в XIX в. Его отличительной чертой была явно гипертрофированная бездоказательная критика пороков дворянства, которые, конечно, имели место, но не распространялись на все сословие и были скорее исключением, чем правилом.

Первая попытка произвести научный анализ ценностных ориентиров дворянства принадлежит В. О. Ключевскому, который выявил причины негативных тенденций в сфере дворянской нравственности, показал влияние дворянской политики правительства на повседневную культуру сословия². В частности, после отмены обязательной дворянской службы в 1762 г. «деловая цель образования исчезла», появились разочарованные Онегины с настроением, «лишающим их охоты и способности делать что-либо». Отсюда праздность, бесцельность и бездействие образа жизни дворян, их стремление «украсить свою жизнь и ум» всем французским, и как следствие, неспособность стать деятельным руководителем общества³.

¹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Русская старина. – 1870. – № 2. – С. 16.

² Ключевский В. О. История сословий в России. – М., 1913; Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. – М., 1983.

³ Ключевский В. О. История русского быта. – М., 1995. – С. 44.

В конце XIX – начале XX вв., в условиях кризиса усадебной культуры, критика моральных устоев дворянства становится ещё более резкой. Для работ обозначенного периода (А. И. Незеленова, В. И. Семёвского) свойственен односторонний подход к названной проблеме, в рамках которого дворяне характеризуются как люди «поразительного невежества и замечательно низкого уровня нравственности», изверги, подобные Салтычихе¹. Н. Ф. Дубровин выделяет праздность, бесцельность дворянства, пристрастие к лоску и всему французскому, которые в последующем столетии трансформируются в безнравственность, апатию, утрату семейности². В исследовании В. Гольцева не только обозначаются причины трансформации сознания дворянства (пример Двора и крепостное право), но и подчеркиваются её последствия – утрата политической самостоятельности дворянства и распространение в обществе «самодурства, раболепия и разврата»³. Одновременно появляются работы Л. М. Савёлова, Н. П. Семёнова, где дворянству предлагается «оглянуться на своё прошлое и подвести итоги», вновь обрести утраченные ценности⁴.

Первым указал на ошибочность однозначно негативного отношения к системе ценностей дворянства Н. Д. Чечулин⁵. Он подчеркивал, что предыдущие исследователи дворянства отождествляли столичные и провинциальные устои жизни и не учитывали «фона эпохи» – ценности дворянства формировались в условиях крепостной России, в которых даже самые «благородные» идеалы могли подвергнуться серьезной трансформации. Н. Д. Чечулин отметил как позитивное, так и негативное в нравственных устоях провинции и сделал вывод о явном «движении вперёд», характерном для провинциального дворянства в 70-90-х гг. XVIII в.

Г. А. Евреинов, Н. Павлов-Сильванский обратили внимание на механизмы формирования ценностных ориентиров дворянства⁶. В частности, они полагали, что процесс оформления сословного мировоззрения в стройную систему происходил параллельно с определением прав и привилегий дворянства правительством.

И. А. Павленко показал зависимость ценностных ориентиров дворянства от развития литературы⁷. Выявляя критическую направленность трудов М. М. Щербатова, И. Болтина, Г. Державина, Д. Фонвизина, в которых высмеивается распушенность нравов придворных кругов и других слоев дворянства, исследователь полагает, что подобные взгляды вызвали в

¹ Незелёнов Н. Новиков, издатель журналов 1769 – 1815 гг. – СПб., 1875; Семёвский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – СПб., 1875.

² Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX столетия // Русская старина. – 1899. – № 3. – С.562.

³ Гольцев В. Законодательство и нравы России. – СПб., 1896.

⁴ Савёлов Л. М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном отношении. – М., 1906.

⁵ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. – СПб., 1889.

⁶ Евреинов Г. А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. – СПб., 1898; Павлов-Сильванский Н. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. – СПб., 1898.

⁷ Павленко И. А. Нравы русского общества в екатерининскую эпоху. – Архангельск, 1912.

первом сословии стремление к нравственному самосовершенствованию.

Советскую историографию с её резко отрицательным отношением к дворянству, ценностные ориентиры «класса эксплуататоров» долгое время не интересовали. Только начиная с 1970-х гг. в работах С. М. Троицкого обозначилось возобновление научного интереса к внутреннему миру, идеям и убеждениям, социальной психологии дворянства¹. В конце 1970-начале 80-х гг. тема дворянского менталитета становится все более популярной, получив отражение в исследованиях Е. И. Мокряк, С. С. Минц, Е. И. Макаровой². Однако, названные работы базировались, как правило, на изучении системы ценностей дворянской аристократии на основе конкретного вида источников.

С 1990-х гг. обозначился всплеск интереса к обозначенной проблеме. Е. Н. Марасинова, Т. А. Коваленко, А. В. Зарубина проанализировали важнейшие составляющие дворянской психологии³. Так, Е. Н. Марасинова пришла к выводу, что в сознании дворянской элиты превалировали идея обязательной службы как средства достижения определённого статуса в обществе, сознание зависимости от личной воли монарха и убеждение в несправедливости крепостного права. В понимании Т. А. Коваленко основная черта мировоззрения дворянства – стремление к подражанию европейскому образу мыслей и действий, что, по-существу, привело к разрыву между сознанием и действительностью. Наконец, А. В. Зарубина подчеркнула зависимость основных ценностей дворянина от его статуса.

В 2000-е гг. тема дворянского менталитета получила дальнейшее развитие. Проблемам взаимоотношений власти и дворянства, идеологическому воздействию политики самодержавия на сознание аристократии посвящен целый ряд новейших работ Е. Н. Марасиновой⁴. Автор, привлекая широкий круг источников, преимущественно законодательство и переписку, выявила механизмы воздействия власти на самосознание дворянской элиты. Кризис российского дворянства, трансформация сознания, психологии и социального поведения высшего

¹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. – М., 1974. – С. 184 – 186.

² Мокряк Е. И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства второй половины XIX – начала XX вв.: диссерт. ...канд. ист. наук. – М., 1977; Минц С. С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII первой трети XIX веков в освещении источников мемуарного характера: диссерт. ...канд. ист. наук. – М., 1981; Макарова Е. И. Социальная психология русского дворянства эпохи капитализма: источники и методы изучения: диссерт. ...канд. исторических наук. – М., 1982.

³ Марасинова Е. Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1991; Коваленко Т.А. Менталитет дворянской культуры XVIII века // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 108-117; Зарубина А. В. Социальная психология российского дворянства во второй половине XVIII столетия: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1999.

⁴ Марасинова Е. Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века. Диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1991; Коваленко Т.А. Менталитет дворянской культуры XVIII века // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С. 108-117; Зарубина А. В. Социальная психология российского дворянства во второй половине XVIII столетия. Диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1999.

сословия в начале XX столетия стали предметом научных изысканий Е. П. Бариновой¹. Автор уделяет внимание и базовой системе ценностей дворянства, формировавшейся на протяжении всей его истории.

В современной историографии начато изучение мировоззрения дворянства и на региональном уровне, в том числе в работах по истории средневожского дворянства. Так, Н. М. Селиверстова выделила консерватизм средневожского дворянства, его нацеленность на сохранение корпоративной замкнутости сословия. В работах Е. Ю. Дементьевой и О. Е. Шевниной изучены особенности менталитета средневожского дворянства соответственно в первой половине и 50–70-х гг. XIX в.² При этом Е. Ю. Дементьева показала зависимость ценностей дворянина от его этнической принадлежности – средневожские татары, несмотря на родство с русскими дворянами длительное время сохраняли мусульманские традиции. Д. Ю. Мурашев доказал, что под влиянием специфичного общественного уклада главной особенностью менталитета пензенского дворянства стала его принципиальная аполитичность³.

В целом, основным итогом изучения системы ценностей российского дворянства в отечественной историографии стал отказ от излишней критичности в оценке этой проблемы, определение основных составляющих мировоззрения дворянства. Однако зависимость системы ценностей дворянства от сословной дифференциации только обозначена и практически не изучена, а исследование системы ценностей дворянства на региональном уровне только начато.

2. *Воспитание и образование дворянских детей.* Со второй половины XIX – начала XX вв. дискуссионным становится вопрос о результативности воспитания и образованности «благородных». С. М. Соловьёв важнейшим достоянием дворянской культуры второй половины XVIII в. считал приобщение помещичьих детей к образованию⁴. В. О. Ключевский называл дворянство проводником европейского «нового образования»⁵.

Однако ряд историков заняли иную позицию. Так, С. А. Корф доказывал, что во второй половине XVIII в. «большинство дворянства было темно до крайности, едва умело читать и писать»⁶. В. И. Семёвский утверждал, что результаты дворянского воспитания были предопределены самой атмосферой формирования личности «недоросля», «пропитанной самодурством и

¹ Баринова Е. П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. – Самара, 2002; Баринова Е. П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. – Самара, 2006.

² Селиверстова Н. М. Дворянство Среднего Поволжья накануне проведения великих реформ: дис. ...канд. ист. наук. – Самара, 1994; Дементьева Е. Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века: дис. ...канд. ист. наук. – Самара, 1999; Шевнина О. Е. Облик провинциального дворянства в конце 1850-х–70-е гг. XIX в.: на материалах губерний Среднего Поволжья: дис. ...канд. ист. наук. – Пенза, 2003.

³ Мурашов Д. Ю. Провинциальное дворянство в конце 50-х – 70-х гг. XIX века (По материалам Пензенской губернии): дис. ...канд. ист. наук. – Саратов, 2004.

⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. – СПб., 1903. – Кн. 5–6. – С. 221–229.

⁵ Ключевский В. О. История русского быта. – М., 1995. – С. 46.

⁶ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление в 1762–1815 гг. – СПб., 1906. – С. 23.

развратом»¹. А. В. Романович-Славатинский акцентировал внимание на замедленности темпов распространения образования в дворянской среде, опираясь на дворянские наказы в комиссию 1767 г., многие из которых дворяне не могли подписать из-за своей неграмотности².

По иному характеризовал образовательный уровень дворянства М. М. Яблочков. В частности, он показал, что благодаря петровским реформам уже в эпоху Елизаветы Петровны «грамотность и в средних слоях, не только уже в высших, не была, как прежде редкостью»³. Эффективность введенного Петром Великим «обязательного обучения для дворянства» подчёркивал и И. А. Порай-Кошиц, отмечая, что эта акция дала уже к концу XVIII в. весьма заметные результаты⁴.

Исследование В. Н. Бочкарева вывело проблему дворянского образования на региональный уровень⁵. Анализируя дворянские наказы в Уложенную комиссию, он делает вывод, что наибольший же процент малограмотных дворян приходился на центральные и северные губернии. Отмечая тенденцию роста дворянской образованности к концу XVIII в. в целом, В. Н. Бочкарев выявил зависимость этого процесса от дифференциации дворянства, удаленности губерний от столицы.

В работе Е. Щепкиной, основанной на мемуарах А. Т. Болотова, при характеристике дворянского воспитания и образования в провинции подчеркиваются «недостатки школы и пороки учителей»⁶. Этим был обусловлен и кризис дворянской культуры в пореформенной России, причины которого в неправильном воспитании дворянства, неумеренном культе «свободной личности в ущерб общественной». Е. Щепкиной принадлежит и исследование истории «женской личности» в России, в том числе и провинциальной дворянки⁷. Автор показывает значение распространения женского образования в дворянской среде, чему во многом способствовали создание частных пансионов и учреждение Смольного института.

В конце XIX – начале XX вв. проблемы дворянского образования нашли отражение в обобщающих трудах А. Н. Антонова, И. А. Алешинцева, В. В. Григорьева, Ф. В. Грекова, посвященных вопросам образования разных сословий России⁸. Исследователи отходят от темы исключительно домаш-

¹ Семёвский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – СПб., 1875. – С. 97.

² Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. – М., 1870. – С. 34.

³ Яблочков М. История дворянского сословия в России. – СПб., 1876. – С. 47.

⁴ Порай-Кошиц И. А. Очерки истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII вв. – СПб., 1874. – С. 32.

⁵ Бочкарев В. Н. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам законодательной комиссии 1767 года. – Пг., 1915. – С. 12.

⁶ Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники (1758–1762). – СПб., 1890. – С. 18.

⁷ Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. – СПб., 1914.

⁸ Алешинцев И. А. История гимназического образования в России XVIII – XIX вв. – СПб., 1912; Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. – М., 1900; Антонов А. Н. Первый кадетский корпус. – СПб., 1907; Греков Ф. В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. – М., 1910.

него обучения дворян, начав изучение истории дворянских учебных заведений – пансионов, кадетских корпусов, института благородных девиц.

Советская историография изучением проблем дворянского воспитания и образования специально не занималась. Но для большинства исследователей была характерна точка зрения В. Н. Всеволодского-Гернгросса о повсеместном «невежестве провинциального дворянства, культурный уровень которого мало чем отличается от уровня эксплуатируемого крестьянства»¹.

Исследователи 1990–2000-х гг. сконцентрировали свое внимание на истории дворянских образовательных учреждений, правительственной политике в сфере образования². Особый интерес представляют работы О. Ю. Солодянкиной, темой научных изысканий которой является влияние иностранцев на процесс воспитания русских дворян³. Преобладание французских наставников в России привело к тому, что их воспитанники усваивали, по мнению О. Ю. Солодянкиной, социальные нормы, характерные для французского, а не российского общества.

В целом, в дискуссии историков о дворянском воспитании и образовании наиболее спорными остаются вопросы о европейском влиянии на воспитание и образование дворянских недорослей, об уровне образованности провинциальных помещиков. При этом стереотип о повсеместной необразованности большей части провинциального дворянства во второй половине XVIII в., зародившийся в дореволюционной историографии, пока ещё сохраняет влияние.

3. *Усадебная тема.* Изучение дворянской усадьбы начинается в конце XIX в. с работ искусствоведов, архитекторов, которые исследуют отдельные компоненты усадебного пространства. В этом отношении показательна работа В. Я. Курбатова, в которой автор анализирует «английские парки» в дворянских усадьбах второй половины XVIII в., проводит их классификацию в зависимости от уровня состоятельности владельца⁴. Большое значение для разработки усадебной темы имели и материалы периодических изданий, публикуемых в изучаемый период, особенно журналов «Старые годы»,

¹ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр второй половины XVIII века. – М., 1960. – С. 33.

² Аурова Н. Н. Кадетские корпуса в системе дворянского образования и культурной жизни России конца XVIII – первой половины XIX веков: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1999; Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. – М., 1995; Титков Е. П. Государственная политика Российской империи в сфере образования во второй половине XVIII века: диссерт. ... доктора ист. наук. – Арзамас, 1999; Измestьева Г. П. Классическое образование в истории России XIX века. – М., 2003; Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения. XVI–XVIII вв. – М., 2000; Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. – М., 2006; Латышина Д. И. Воспитательное общество благородных девиц при Смольном монастыре. – М., 1998; Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университетский Благородный пансион. 1779–1830. – М., 2006; Сергеева С. В. Теория и практика частного образования в России. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв. – М., Пенза, 2003.

³ Солодянкина О. Ю. Иностранные гувернантки в России второй половины XVIII – первой половины XIX вв. – М., 2007. Иностранные наставники в дворянском домашнем воспитании в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). – М., 2008.

⁴ Курбатов В. Я. Сады и парки: история и теория садового искусства. – Пг., 1916.

«Столица и усадьба». Н. Н. Врангель в очерках «Помещичья Россия»¹, написанных в искусствоведческом контексте, во всех деталях описал внутреннее и внешнее убранство усадеб, элементы их интерьера.

В 1920-е гг. в условиях НЭПа ещё сохранялось и стремление к последовательному изучению усадебного быта, характерное для исследователей предыдущего столетия. Показательно в этом отношении создание в 1922 г. в Москве Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). Сборники Общества содержали сведения по истории создания и художественной ценности усадеб, материалы об их владельцах².

Не менее важным был выход в свет в 1927 г. исследования Б. В. Скитского, посвященного быту разных слоев провинциального общества³. Исследователь пришел к выводу, что в последней четверти XVIII в. облик провинции и усадьбы существенно меняется, но развитию прогрессивных тенденций препятствовало крепостное право.

В 1930-50-е гг. история дворянской усадьбы выпала из поля зрения исследователей. ОИРУ было закрыто, а многие его члены репрессированы. В этот период изучались отдельные аспекты «усадебной темы», преимущественно, в искусствоведческом, предметно-вещевом аспекте. В частности, появились работы об архитектуре дворянской усадьбы, о русских рисунках и гравюрах, о бытовой мебели периода классицизма⁴. В 1960-х – первой половине 80-х гг. в работах Т. Б. Дубяго, М. А. Аникста, В. С. Турчина, Р. М. Байбуровой, А. Бартенева, В. Н. Батажковой возобновляется исследование некоторых проблем русской усадебной культуры⁵.

Для изучения экономической составляющей повседневности дворянской усадьбы существенное значение имеют исследования Н. Л. Рубинштейна, Б. Н. Миронова, Л. В. Милова, И. Д. Ковальченко и других авторов, которые затрагивают механизмы функционирования поместья, повседневные экономические конфликты и проблемы дворян⁶.

¹ Врангель Н. Старые усадьбы. – М., 2000. – С. 8 – 42.

² Злочевский Г. Д. Общество изучения русской усадьбы (1922–1930). – М., 2002.

³ Скитский Б. В. Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века. – Владикавказ, 1927.

⁴ Некрасов А. И. Архитектура русской дворянской усадьбы. – М., 1949; Смирнова Е. И. Русская гравюра XVIII века. – М., 1952; Бытовая мебель русского классицизма конца XVIII – начала XIX веков. – М., 1954.

⁵ Дубяго Т. Б. Русские регулярные сады и парки. – Л., 1963; В окрестностях Москвы: из истории русской усадебной культуры XVII–XIX. – М., 1979; Байбунова Р. М. Архитектурно-художественная организация пространства в жилом доме московской усадьбы второй половины XVIII в.: диссерт. ...канд. искусствоведения. – М., 1984; Бартенев И. А. Русский интерьер XVIII–XIX века. – Л., 1984.

⁶ Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. – М., 1957; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XIX вв. Опыт количественного анализа. – М., 1974; Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX веков. – Л., 1981; Киприянова Н. В. Дворянское землевладение во второй половине XVIII века: (по материалам Владимирской губернии): диссерт. ...канд. ист. наук. – М., 1983; Носов Б. В. Политика правительства в отношении дворянского землевладения в России 30-70-х годов XVIII века: диссерт. ...канд. ист. наук. – М., 1985.

В 1990-е гг. тема дворянской усадьбы становится приоритетной в исследованиях дворянской повседневности. В работах О. В. Докучаевой, Р. М. Байбуровой, М. М. Звягинцевой, Т. П. Каждан, Ю. Г. Маркова подчёркивается, что развитие усадьбы стимулировало расцвет различных видов искусства и позволило реализоваться творческим замыслам многих дворян¹. В 2000-е гг. появились обобщающие исследования провинциальных усадеб, началось исследование дворянской усадьбы на региональном уровне². В частности, Т. В. Ковалева исследовала сельскую дворянскую усадьбу Центрального Черноземья, Е. В. Фролкина проанализировала эволюцию дворянской усадебной культуры на примере Мордовского края³. Выявляются и новые аспекты анализа темы, в частности, культура общения в дворянской усадьбе⁴. Большая роль в изучении «усадебной» темы принадлежит возродившемуся «Обществу изучения русской усадьбы», которое вновь организует конференции, публикует сборники⁵.

В целом, тема дворянской усадьбы традиционно выступает в качестве приоритетной при исследовании дворянской повседневности. Очевидны достижения в определении искусствоведческой, эстетической, творческой, интеллектуальной ценности усадьбы. Однако социально-экономическая составляющая повседневной жизни усадьбы, как правило, не исследуется.

4. *Тема дворянской семьи* в дореволюционной историографии изучалась непоследовательно и фрагментарно. Первым о кризисе внутрисемейных отношений в середине XVIII в. заявил М. М. Щербатов, который отмечал отсутствие «почтения от чад к родителям», «искренней любви между супругов»⁶. Подобные идеи развивали Н. Ф. Дубровин, В. Гольцев, В. И. Семёвский⁷. Изучение дворянской семьи, родственных связей, семейных ценно-

¹ Докучаева О. В. Пейзажный парк в России второй половины XVIII века в сознании современников // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. – М., 1987. – С.64 – 85; Байбурова Р.М. Старинная русская усадьба XVIII в. //Наука и жизнь. – 1993. – №.8. – С.82–86; Иванова Л. В. Дворянская усадьба исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. – 1994. – № 1. – С. 149 – 165; Звягинцева М. М. Русская усадьба как культурно-исторический феномен: диссерт. ... канд. искусствовед. – СПб., 1997; Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. – М., 1997.

² Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XIX вв. / Под ред. Л. В. Ивановой, Ю. А. Тихонова. – М., 2001; Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. – М., 2003; Евангулова О. С. Художественная Вселенная русской усадьбы. – М., 2003; Дворянские гнезда России / под ред. М. В. Нащокиной. – М., 2000; Три века русской усадьбы / Под ред. М. К. Гуренок. XVII – начало XX вв. – М., 2004; Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства. – М., 2008.

³ Ковалева Т. В. История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья (вторая половина XVIII – начало XX вв.: диссерт. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004; Фролкина Е. В. Дворянская культура российской провинции: на материале Мордовского края : диссерт. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2007.

⁴ Фуражева Н. С. Культура общения в русской дворянской усадьбе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: диссерт. ...канд. культурологии. – М., 2009.

⁵ Русская усадьба. Сб. Общества изуч. русск. усадьбы. – М., 1994–2010. – Вып. 1–12.

⁶ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Русская старина. – 1870. – №. 2. – С. 17.

⁷ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX столетия // Русская старина. – 1899. – № 3. – С. 547; Гольцев В. Законодательство и нравы России. – СПб., 1896. – С. 112; Семёвский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – СПб., 1875. – С. 84.

стей стимулировала начавшаяся с конца XIX в. публикация генеалогических источников, а также краеведческих исследований, в том числе тульского, тверского и симбирского дворянства¹.

В советской историографии внутрисемейные отношения выпали из поля зрения исследователей. Тема дворянской семьи, трансформации внутрисемейных отношений, семейных нравов становится актуальной только с 1990-х гг. При этом одни историки были склонны к идеализации дворянской семьи (А. М. Рязанов), другие говорили о высокой нравственности в провинции и низкой – в столице (О. Ермишкина), третьи стремились к объективному анализу семейных нравов дворянства (К. А. Соловьев)².

В 2000-х гг. тема дворянской семьи, трансформации внутрисемейных отношений получила дальнейшее развитие в работах Т. Н. Мальковской, В. В. Пономаревой, Л. Б. Хорошиловой, Т. Зокколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюбома³. Начато изучение дворянской семьи и на региональном уровне. Так, Н. В. Занегина изучила личные и имущественные взаимоотношения родителей и взрослых детей на примере тверского дворянства⁴. Она пришла к выводу, что при изучении дворянской семьи, как правило, идеальные нормы отношений между дворянами и их взрослыми детьми выдаются за действительные.

В фундаментальном исследовании Б. Н. Миронова история дворянской семьи XVIII – начала XX веков впервые анализируется в разрезе становления гражданского общества и правового государства в России⁵. Автор делает важный вывод о причинах трансформации внутрисемейных отношений сословия в обозначенный период, сводя их к отсутствию общинных традиций у дворянства.

В современной историографии дворянского быта обозначилась и так называемая «женская тема», то есть проблема повседневности женщины-

¹ Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. – Т. 1–2. – СПб., 1890; Долгоруков П. В. Российская родословная книга. – Ч. 1–4. – СПб., 1854–1857; Руммель В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – СПб., 1886–1887; Поливанов В. Н. Материалы к истории Симбирского дворянства 1781–1909. – Симбирск, 1909; Покровский В. Историко-статистическое описание Тверской губернии. – Тверь, 1879; Яблочков М. Т. Дворянское сословие Тульской губернии. – Тула, 1903.

² Рязанов А. М. Дворянская семья на рубеже XVIII–XIX вв. // II этап войны 1812 г.: сб. ст. – Малоярославец, 1997. – С. 179–186; Ермишкина О. Провинциальное дворянство (конец XVIII – начало XIX вв.) // Тверская старина. – 1991. – № 1–2. – С. 114–122; Соловьев К. А. «Во вкусе умной старины...». Усадебный быт российского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв. Очерки. – СПб., 1998.

³ Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий в России / Под ред. В.П. Старк. – СПб., 2000; Мальковская Т. Н. Семья и власть в России XVII–XVIII столетий. – М., 2005; Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX вв.). – М., 1997. Семья, дом и узы родства в истории / под общ. ред. Т. Зококоллы, О. Кошелевой, Ю. Шлюбома. – СПб., 2004.

⁴ Занегина Н. В. Нравы тверского дворянства второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: взаимоотношения родителей и взрослых детей: диссерт. ... канд. ист. наук. – Тверь, 2003.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России. XVIII–начало XX вв. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – Т.1 – 2. – СПб., 2003.

дворянки, изучаемая, преимущественно, с точки зрения этнологии и антропологии. Начало научным изысканиям в данном направлении положили работы Н. Л. Пушкаревой, В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой¹. Образ жизни и быт, особенности мышления, ценности дворянок Центральной России XVIII – середины XIX века стали предметом исследований А. В. Беловой². Этногендерный анализ участия провинциальных дворянок в традиционных обрядах жизненного цикла позволил автору опровергнуть представление о всеобъемлющей вестернизации дворянской культуры, размывании национальной идентичности российского дворянства, массовой неграмотности провинциальных дворянок.

Обобщая анализ исследований дворянской семьи, следует отметить, что историография названной проблемы эволюционизировала от однозначно критичной до многоуровневой, основанной на целом ряде подходов, включая этногендерный и антропологический. Главным достижением современных историков является анализ глубинных причин трансформации внутрисемейных отношений дворянства на конкретных исторических этапах, отход от ориентации при их анализе на идеальные нормы. Однако комплексного исследования провинциальной дворянской семьи, даже в рамках одного региона, пока не проводилось.

5. *Образ жизни, досуг, обряды и традиции дворянства в XIX столетии*, по сути, не изучались. Отдельные сведения об обозначенных аспектах быта высшего сословия можно было почерпнуть только из известных работ М. М. Забылина, М. И. Пыляева, А. В. Терещенко, где подробно рассмотрены русские народные традиции и обычаи, многие из которых бытовали и в дворянской среде³.

В советское время отношение к дворянскому образу жизни и досугу основывалось на его восприятии как «праздного», «эксплуататорского», «паразитарного». Исключением стали 1920-е годы, когда некоторые аспекты дворянского досуга – усадебный театр, музыкальный быт – ещё изучались⁴.

Среди исследований 1930–50-х гг. о театре, балетном танце, музыкальной культуре выделяется интересное исследование Т. Н. Ливановой, в котором подчеркивается влияние музыки и связанных с ней видов искусств на образ жизни, внутренний мир и интересы дворянина⁵. В работах Е. В. Кире-

¹ Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. – М., 2009.

² Белова А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX вв.): диссерт. ... докт. ист. наук. – М., 2009.

³ Пыляев М. И. Старое житьё. Очерки и рассказы о бывших в отошедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. – СПб., 1892; Терещенко А. В. Быт русского народа. – М., 1997–1999.

⁴ Бескин Э. М. Крепостной театр. – М.–Л., 1927; Белецкий Л. И. Старинный театр в России. – М., 1923. Музыка и музыкальный быт дореволюционной России. – М., 1923.

⁵ Варнеке Б. В. История русского театра XVIII – XX вв. – М. – Л., 1939; Гуревич Л. История русского театрального быта. – М.–Л., 1939; Елизарова Н. А. Театры Шереметевых. – М., 1944; Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в её связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. – Т.1 – 2. – М., 1952 – 1953.

ево́й, Т. Т. Коршуновой, М. Н. Мерцаловой, изданных в 1970-е гг., можно проследить эволюцию дворянского костюма в XVII – XIX вв.¹

Последовательное изучение таких аспектов бытовой жизни высшего сословия, как развлечения, балы, образ жизни, повседневная пища и одежда было начато только в 1990-2000-е гг.². Но в данных исследованиях речь идёт, преимущественно, о столичной аристократии. Сказанное справедливо и для исследований Е. Ю. Артёмовой, И. В. Карацубы, изучавших на основе записок иностранцев быт и культурную жизнь России³. И. Н. Курочкина показала существенное влияние на повседневную жизнь и поведенческие нормы дворянства сословного этикета, и как следствие, неискренность и неестественность взаимоотношений дворян⁴. О. В. Кириченко выявил значение православных традиций в повседневной жизни дворянства XVIII в., рассматривая их как основу для духовного обновления общества⁵.

Современными исследователями начато изучение образа жизни и досуга дворянства на региональном уровне, но, как правило, в рамках анализа повседневной жизни конкретного региона России в целом. В частности, быту нижегородцев посвящен ряд работ Д. Н. Смирнова, жителей Тульской губернии – О. Е. Глаголевой, ярославскому дворянству – О. В. Сизовой⁶. Подобные исследования освещают лишь отдельные аспекты образа жизни дворянства. И. Г. Оноприенко, проанализировав эволюцию быта дворянства Центрального Черноземья в 50-90-е гг. XIX в., объясняет её «межсословной эмансипацией», основанной на буржуазной трансформации дворянского сословия.

¹ Киреева Е. В. История костюма. – М., 1976; Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII – начала XX века. – Л., 1979; Мерцалова М. Н. История костюма. – М., 1972.

² Агапкина Т. Невинная забава: о русских качелях // Родина. – 1996. – № 3. – С. 112–113; Дущечкина Е. Русская рождественская ёлка в жизни и литературе // Наше наследие. – 1994. – № 29–30. – С. 147–157; Шабунова И. «Музыкальные кунсты» в домашнем обиходе русского дворянства // Музыкальная академия. – 1996. – № 3 – 4. – С. 144–146; Захарова О. Ю. История русских балов. – М., 1998; Брумлинская О., Михалева Б. Рыцарский маскарад при дворе Павла I // Наука и религия. – 1993. – № 9. – С. 66–69; Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX вв. – М., 2003; Колесникова А. В. Бал в России XVIII – начала XIX вв. – СПб., 2005; Марченко Н. А. Быт и нравы пушкинского времени. – СПб., 2005; Огаркова Н. А. Церемонии, празднества, музыка русского двора XVIII – начала XIX вв. – СПб., 2004.

³ Артёмова Е. Ю. Культура и быт России последней трети XVIII века в записках французских путешественников: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1990; Карацуба И. В. Россия последней трети XVIII – начала XIX веков в восприятии английских современников: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1985.

⁴ Курочкина И. Н. Истоки становления и развития русского этикета с древнейших времен до XVIII в. – М., 1999; Курочкина И. Н. Взаимодействие этикета, обычаев и традиций в русском обществе второй половины XVIII века: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1997.

⁵ Кириченко О. В. Традиции православной религиозности у русских дворян XVIII столетия: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 1997.

⁶ Глаголева О. Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII- первой половины XIX веков. – Тула, 1993; Глаголева О. Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX веков. – Тула, 1992; Сизова О. В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: диссерт. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1999; Смирнов Д. Н. Нижегородская старина. – Н. Новгород, 1995.

В целом, образ жизни, досуг, обычаи и традиции провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв. изучались непоследовательно и фрагментарно.

Важным достижением историографии 1990-х – 2000-х гг. стало стремление исследователей обобщить материал по истории повседневной культуры дворянства, что нашло своё выражение в работах Ю. М. Лотмана, К. А. Соловьёва, Е. А. Лаврентьевой, О. И. Елисеевой. Несмотря на фактологическую насыщенность, названные исследования носили скорее публицистический, чем научный характер¹. И. В. Рябова, М. В. Короткова уделяют внимание сословным и семейным ценностям, жилищным традициям, образу жизни, досугу высшего сословия Москвы².

Таким образом, в отечественной историографии, посвященной повседневности провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв., приоритетное внимание уделялось ряду важнейших составляющих дворянской повседневности, преимущественно усадебной теме в культурно-искусствоведческом контексте, без учета её экономического значения, которое нередко было определяющим для среднепоместного и мелкого дворянства. При изучении остальных аспектов повседневности дворянства, акцент, как правило, делался на столичной элите. Исследование проблемы на региональном уровне только начинается, и целостного анализа культуры повседневности провинциального дворянства, тем более в межрегиональном контексте пока не содержит.

В зарубежной историографии история повседневности российского дворянства целенаправленно не изучалась. Исследователи 1960–70-х гг. М. Raeff и Р. Dukes особое внимание уделили значению Манифеста 1762 г. и Жалованной грамоте дворянству 1785 г., которые стимулировали появление в дворянской среде оппозиционных настроений, формирование феномена «неслужащего дворянина» и «частного человека», эмансипацию дворянской литературы³. К. Н. Ruffman выдвинул тезис о принципиальном отличии русского дворянства от дворянства остальной континентальной Европы⁴, кото-

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). – СПб., 1994; Соловьёв, К. А. «Во вкусе умной старины ...». Усадебный быт русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX веков. Очерки. – СПб., 1998; Лаврентьева Е. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. – М., 2006; Елисеева О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. – М., 2008.

² Короткова М. В. Эволюция материальной и духовной культуры московского дворянства в контексте повседневности XVIII – первой половины XIX века. – М., 2008; Короткова М. В. Эволюция повседневной культуры московского дворянства в XVIII – первой половине XIX столетий : диссерт. ... докт. ист. наук. – М., 2009; Рябова, И. Ю. Сословные и семейные ценности, быт и традиции московского дворянства второй половины XIX – начала XX вв.: диссерт. ... канд. ист. наук. – М., 2007.

³ Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. – San Diego, New York, 1966. – S. 15.

⁴ Ruffman K. N. Russischer Adel als Sondertypus der europaischen Adelwelt // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – Jg. 9. – 1961. – S. 161 – 178.

рый оспорил М. Confino¹. Дворянскую политику самодержавия, взаимоотношения власти и высшего сословия проанализировали I. Madariaga, J. Le Donne R. Jones, J. M. Hittle, V. Kivelson².

В конце 1970–80-х гг. зарубежными исследователями было начато изучение отдельных аспектов дворянского быта. Так, J. Tovrov исследовала дворянскую семью на основе историко-литературных источников, М. Marrese проанализировала образ жизни женщин-дворянок в контексте имущественных проблем высшего сословия³. Работы L. Black посвящены мифам и реалиям женского воспитания в России XVIII в., R. Wortman – проблемам воспитания Павла I и Александра I⁴. Польский социолог J. Sczerpancki выделял интуитивность, максимализм, экзальтированность, футуроориентированность российского дворянства, которые сочетались со скукой и унынием⁵.

Зарубежные исследователи 1980-х гг. немало внимания уделяли социально-экономическим основам дворянского быта. Так, S. Hoch отмечал выживаемость российского помещичьего имения, минимальность хозяйственного риска и определенное ограничение помещичьей эксплуатации государством⁶. G. L. Freeze подчеркивал бессистемность дворянской политики государства до начала XIX в.⁷.

Современные исследователи А. Каппелер, Р. Пайпс, Д. Хоскинг, Д. Сондерс признают высокий уровень образованности и исключительность положения дворян, но подчеркивают их стремление к роскоши и праздности, «паневропейство» и неумение приспособить свои имения к рыночным отношениям⁸. В работах J. M. Hartley получил дальнейшее развитие тезис М. Confino о поэтапном «освобождении» дворянства в XVIII – XIX вв.⁹. D. Lieven продолжил сравнительное исследование русского и зарубежного

¹ Confino M. Histoire et psychologie: a propos de la noblesse russe au XVIII-e siecle // Annales: Economies Societes. – Civilisations, 1967. – Vol. 22. – No 6. Nov.-Des. – P. 1163–1205.

² Madariaga I de. Russia in the Age of Catherine the Great. – New Haven, 1981; Le Donne J. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism: 1762 – 1796. – Princeton, 1984; Jones R. The Emancipation of the Russian Bureaucracy // Slavic Review / American Quarterly of Soviet and East European Studies. – 1970. – Vol. 29. – No 3. – P. 28–39; Hittle J. M. The Service City: State and Townsmen in Russia. 1600 – 1800. – Cambridge, 1970; Kivelson V. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. – Stanford, 1996.

³ Tovrov J. Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // The Family in Imperial Russia. – Urbana (IL), 1978.

⁴ Black J. L. Educating Women in XVIIIth Century Russia Myth and Realities // Canadian Slavonic Papers, 1978. – Vol. 20. – No 3. – P. 23 – 43. Wortman R. S. Images of Rule and Problems of Gender in the Upbringing of Paul I and Alexander I // Imperial Russia. 1700 – 1917: State, Society, Opposition. Essays in Honour of Mark Raefb. – DeKalb, 1988.

⁵ Sczerpancki J. Reflexion über das Alltägliche // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie Sonderheft. – 1979. – № 20. – S. 317.

⁶ Hoch S. Serfdom and social control in Russia: Petrovskoe, a village in Tambov. – Chicago, 1986.

⁷ Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review. – Vol. 91. – 1986. – № 1. – P. 23–28.

⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993; Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск, 2001; Saunders D. Russia in the Age of Reaction and Reform. 1801–1881. – L. N.Y., 1992; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М., 2000; Emmons T. The Russian Land-Ed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. – Cambridge, 2003.

⁹ Hartley J. M. A sozial history of the Russian empire. 1650–1825. – L.; N. Y., 1999.

дворянства, применив к дворянству России, германских земель и Франции эпохи раннего Нового времени термин «многофункциональная элита»¹.

В работе G. Marker выявлены особенности частной и общественной жизни, религиозных устоев русской дворянки екатерининской и александровской эпохи на основе мемуаров А. Е. Лабзиной². M. L. Marrese, исследуя провинциальное дворянство, отмечает примитивизм, скуку, однообразие его повседневной жизни³.

В целом, зарубежная историография изучает лишь отдельные аспекты повседневности в той степени, в какой они связаны с наиболее актуальными для зарубежных историков проблемами. При этом российское дворянство, и особенно, провинциальное, традиционно ассоциируется у зарубежных историков с праздностью, ленью, роскошью и необразованностью.

Подводя итог историографического анализа проблемы в целом, следует отметить, что несмотря на значительный опыт, накопленный в изучении культуры повседневности провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX вв., целостного и систематизированного её исследования, тем более в межрегиональном контексте, не проводилось.

В разделе «**Источники и методы их критического анализа**» представлена характеристика опубликованных и извлеченных из архивохранилищ источников, на которых основано диссертационное исследование. Использованный массив источников можно подразделить на *законодательные акты, делопроизводственные материалы органов центрального и сословного управления, источники личного происхождения, публицистику и нравоучительные издания*. В работе были использованы фонды 12 архивохранилищ: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ), Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Государственного архива Тульской области (ГАТО), Государственного архива Пензенской области (ГАПО), Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), Центрального государственного архива Республики Мордовия (ЦГА РМ). В разделе охарактеризованы и способы интерпретации изучаемых источников, выбор которых был обусловлен особенностями каждой группы источников.

Законодательные акты второй половины XVIII – середины XIX веков включают обширный комплекс императорских указов, постановлений и распоряжений высших органов власти, уставов учебных заведений. Как из-

¹ Lieven D. The Aristocracy in Europe. 1815 – 1914. – L., 1992.

² Marker G. The Enlightenment of Anna Labzina: Gender, Faith and Public Life in Cathernian and Alexandrian Russia // Slavic Review. – 2000. – Vol. 59 (2). – P. 369 – 378.

³ Marrese M. L. Noblewomen and Property Litigation in Imperial Russia. Paper prepared for 28 Convention ADASS. Nov. 14–17, 1996.

вестно, на протяжении изучаемого периода неоднократно имели место попытки регламентации быта дворянства, что нашло отражение в законодательстве. Достаточно вспомнить указы Елизаветы Петровны, повелевающие являться на балы в строго предписанных костюмах, или повеления Павла I с запретом употребления конкретных слов и регламентацией количества блюд на дворянском столе. Не меньшее значение имеют и постановления, связанные с деятельностью дворянских учебных заведений, императорские указы о поощрениях, наказаниях дворян, их продвижении по службе. При анализе законодательства оказались эффективными как его *сквозное прочтение*, так и *структурный текстологический анализ*.

Делопроизводственные материалы органов центрального и сословного управления отражают проблемы, ценности и чаяния рядового дворянства. Поскольку делопроизводственные материалы достаточно разнообразны, их можно подразделить на несколько подгрупп.

Применительно к коллежскому периоду в истории делопроизводства, весьма информативен широкий спектр *челобитных* провинциального дворянства – прошений, с которыми они обращались непосредственно к императору. Они массово представлены в фонде РГАДА «Юстиц-коллегия» (Ф. 282). Характерно, что большая часть челобитных фонда связана с волнениями крестьян, спорами на право владения имением, описями имений и имущества, то есть затрагивают материальные интересы дворянства.

С началом министерского периода пространные челобитные уходят в прошлое, получают распространение более конкретные и лаконичные *прошения*. Прощения могли касаться самых разнообразных проблем провинциального дворянства, поэтому они дают представление и о важнейших составляющих его повседневной жизни.

Значительный интерес представляют для нас и *реестры недорослей*, *обобщающие списки разных категорий служащих дворян*, которыми изобилует фонд РГАДА «Герольдмейстерская контора» (Ф. 286). Комплексный анализ подобных реестров позволил нам сделать выводы о динамике уровня образованности провинциального дворянства во второй половине XVIII в., показать его зависимость от имущественного положения помещиков, выявить отношение дворянства к службе после принятия Манифеста 1762 г.

Среди делопроизводственной документации неправительственных учреждений в контексте настоящего исследования особое значение имеют *материалы губернских и уездных дворянских собраний*. Они наглядно демонстрируют роль корпоративной деятельности провинциальных дворян в их повседневной жизни. Сведения об участии дворян в органах сословного управления сгруппированы в фондах ЦИАМ, ГАЯО, ГАТО, Государственного архива Тульской области, ГАПО и ЦГА РМ.

Для характеристики образа жизни дворян, и особенно, его экономической составляющей, немаловажны и *документы вотчинного делопроизводства*. Сюда относятся приходно-расходные книги, описи имений и имуще-

ства, реестры крестьян, другие учетные материалы. Подобные документы содержат личные фонды дворян как центральных, так и региональных архивов.

Отдельные аспекты повседневной жизни провинциального дворянства отразила и *официальная переписка*, в частности, переписка вотчинных правлений с помещиками, начальника III Отделения князя В. А. Долгорукова, ярославского губернатора А. М. Безобразова¹. Не меньшее значение имеют для нас извлеченные из императорских фондов ГАРФ *рапорты губернаторов*, поскольку отражают проблемы дворянства на местах².

При анализе делопроизводственных материалов весьма результативным является *метод реконструкции*, позволяющий на основе отрывочных данных воссоздать различные составляющие повседневной жизни дворянина.

Источники личного происхождения представлены как архивными, так и опубликованными материалами, среди которых можно выделить мемуары, дневники, письма самих дворян, представителей других сословий и иностранцев. Они наиболее полно, индивидуально и эмоционально воспроизводят мировоззрение и различные детали дворянской повседневности.

Среди источников личного происхождения особой эмоциональной насыщенностью, вниманием к конкретным деталям каждодневного образа жизни, его внешней символике отличаются *мемуары*. В мемуарах пензенского вице-губернатора И. М. Долгорукова, извлеченных из РГАЛИ (Ф.1337), содержатся яркие и ироничные зарисовки быта дворян Пензенской губернии конца XVIII в. В фонде Васильчиковых (РГИА, Ф.651) отражены воспоминания дворян о важнейших исторических событиях первой половины XIX в.

В группе опубликованных мемуаров хотелось бы выделить воспоминания пензенского помещика Е. П. Чемесова, тульских дворян А. А. Васильчикова, М. П. Леонтьева, «энциклопедиста» А. Т. Болотова, нижегородских дворян И. А. Глухова и П. Д. Боборыкина, симбирского помещика С. А. Порошина и других³.

Особую группу мемуаров составляют *воспоминания духовенства и крестьян*, поскольку они представляют взгляд на дворянскую повседневность со стороны других сословий. Так, в мемуарах сына священника Г. И. Добрынина, «крепостной старушки» А. Г. Хрущовой характеризуются отдельные аспекты дворянской повседневности, личностные особенности некоторых помещиков, их взаимоотношения с другими сословиями⁴.

¹ РГИА. – Ф. 945. – Оп. 1. – Д. 34, 61, 89, 100, 168; Ф. 648. – Оп. 1. – Д. 7, 9.

² ГАРФ. – Ф. 672, 678, 679.

³ Болотов А. Т. Жизнь Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков: в 4 т. – СПб., 1871–1873; Чемесов Е. П. Жизнь Ефима Петровича Чемесова. Записки для памяти // Русская старина. – 1891. – № 10. – С. 3 – 88; Автобиография И. А. Глухова // Щукинский сб. – М., 1907. – Вып. 6. – С. 201 – 228; Архаровы (из памятных записей А. А. Васильчикова внука И. П. Архарова) // Русский архив. – 1909. – № 1. – С. 10 – 13; № 6. – С. 191–192; Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – М., 2003.

⁴ Добрынин Г. И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина им самим написанная в Могилеве и Витебске – СПб., 1872; Воспоминания русских крестьян XVIII– первой половины XIX вв. – М., 2006; Хрущова А. Г. Воспоминания крепостной старушки А. Г. Хрущовой // Русский архив. – 1901. – № 4. – С. 529–544.

Ценным источником являются и *записки иностранцев*, поскольку в них подмечается то, что привычно и незаметно для русского человека. У иностранцев отсутствовала та внутренняя самоцензура, которой традиционно отличались мемуары русских авторов, но их объективность во многом зависела от целей пребывания в России. В этом отношении показательны записки английского дипломата Д. Г. Бёкингхэмшира, немецкого пастора И. Виганда, французской портретистки М. А. Виже-Лебрен, итальянского авантюриста Д. Д. Казановы и др.¹

При анализе мемуаров весьма результативен *метод «включенного наблюдения»*, который используется в тех случаях, когда на основе других источников удалось собрать факты о контексте написания дневника или мемуаров автором. Анализ повседневности дворянства на современном этапе развития исторической науки невозможен без *семиотического анализа* источников.

Важное место среди источников личного происхождения занимают *дневники*. Несмотря на ряд общих черт с мемуарами (сильная субъективная окраска, цель создания, одинаковая степень беспристрастности и откровенности), дневники отличаются более высокой хронологической точностью, отрывочностью, дробностью картины, постепенно возникающей перед автором. В частности, к дневникам мы относим записки небогатого пензенского дворянина Е. П. Чемесова (1735–1801)². Его записи обязательно датируются, весьма лаконичны, малоинформативны и охватывают достаточно большой период – 1730-е–1801 гг. Реконструкция повседневной жизни этого пензенского дворянина возможна только с привлечением других источников.

Дневники П. Ознобишина, С. А. Прозорова, извлеченные из РГАЛИ (Ф.1337), посвящены, в основном «фону эпохи», историческим событиям изучаемого периода, основным этапам карьеры авторов и затрагивают только отдельные аспекты провинциальной дворянской повседневности.

При работе с дневниками провинциальных дворян весьма эффективной является методика Н. Н. Козловой – «*чтение человеческих документов*», при использовании которой жизненная траектория рассказчика, типы повседневных взаимодействий, соотношение биографии отдельного человека и изменения общества в целом, рассматриваются с точки зрения того, как именно все это написано³.

Анализ дворянской повседневности, и в частности, её эмоциональной составляющей, не представляется возможным без учета *эпистолярного наследия дворянства, его семейной и частной переписки*. Поскольку адресат

¹ Бёкингхэмшир Д. Г. Записки // Русская старина. – 1902. – № 2. – С. 441–444; № 3. – С. 649–658; Виганд И. Записки // Русская старина. – 1892. – № 6. – С. 545–568; Виже-Лебрен М.–А.–Е.–Л. Воспоминания // Древняя и новая Россия. – 1876. – № 10. – С. 187–193.

² Чемесов Е. П. Жизнь Ефима Петровича Чемесова. Записки для памяти // Русская старина. – 1891. – № 10. – С. 3–88.

³ Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // ОНС. – 1992. – № 3. – С. 14.

– близкий или родной человек, дворянские письма настолько откровенны и эмоциональны, что иногда в них приоритетны чувства, а не события. Эпистолярное наследие провинциального дворянства широко представлено в личных фондах центральных, и особенно, региональных архивов – нижегородских помещиков Шереметевых, Ниротморцевых, Повалишиных (ЦАНО), симбирских дворян П. Н. Ивашева, М. П. Баратаева (ГАУО).

Анализ эпистолярных источников проводился с использованием *метода вчитывания* в текст, широко применяемого современными историками повседневности и подразумевающего размышления об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутреннее смысловое сообщенное, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося.

Публицистика второй половины XVIII – середины XIX вв. отражает актуальные проблемы и явления жизни российского общества обозначенного периода, характеризует общественное мнение различных социальных групп, в том числе и дворянства. Во второй половине XVIII в., в условиях екатерининских преобразований, развитие авторской публицистики особенно активизируется. В это время наметилась тенденция к сращиванию публицистики с периодической печатью. Журналы «Трутень» и «Живописец» Н. И. Новикова или «Почта духов» и «Зритель» И.А. Крылова могут рассматриваться как публицистические произведения. Влюбчивы, Ветрены, Глупомыслы Н. И. Новикова, герои ироничных басен И. А. Крылова взяты «прямо из житейского омута»¹.

Публицисты высмеивали пороки своего сословия, недостатки государственного аппарата и произвол чиновников. В то же время подобные «сатиры» сочетались с пафосными и величественными одами, восхваляющими самодержавную власть и конкретных императоров. В этом отношении показательны помпезные оды М. В. Ломоносова, переполненные преклонением перед монархом.

Нравоучительная литература – такие издания, как «Наука быть счастливым», были в библиотеке практически каждого дворянина. Они содержали советы «для модных господ», о том, как нужно вести себя в обществе, какие необходимо прививать манеры, как одеваться, как стать добродетельным и т. д. Нравоучительная литература носила рекомендательный характер, но высокий спрос на неё дворян свидетельствует о стремлении «благородных» придерживаться таких рекомендаций. Подобные издания представляют интерес ещё и потому, что в них отражен некий идеальный образ дворянина.

Для определения ценностных приоритетов провинциального дворянства, изучения их эволюции на основе нравоучительной литературы нами был применен метод, предложенный Е. А. Вишленковой². Его суть заключается в выявлении меняющихся во времени «нормы» и «не нормы» в поведении и сознании людей. Нравоучительная литература, с одной стороны,

¹ Новиков Н. И. Сатирические журналы Н. И. Новикова. – М.–Л., 1951.

² Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX – XX вв. – М., 2008.– С. 14.

пропагандировала нормы идеального поведения, правила светской и частной жизни, которым должен следовать дворянин, с другой – содержала примеры поведения, отклоняющегося от принятых в дворянском обществе норм.

Критический анализ разноплановых источников, привлеченных для анализа поставленной проблемы, дает основание для объективной интерпретации культуры повседневности провинциального российского дворянства обозначенного периода и выявления её региональных особенностей.

Во второй главе **«Культура повседневности дворянской провинциальной семьи во второй половине XVIII – середине XIX столетия»** на материалах Центра и Среднего Поволжья России проанализирована роль политики самодержавия в эволюции повседневной жизни дворянства в провинции изучаемого периода, охарактеризованы изменения в основных компонентах дворянской провинциальной повседневности – пространственном и деятельностном, выявлены причины трансформации внутрисемейных отношений.

В разделе **Социальная политика самодержавия и её влияние на повседневную жизнь провинциального дворянства второй половины XVIII – середины XIX столетий** подчеркивается, что особенности дворянской повседневной культуры, сам процесс её формирования во второй половине XVIII – середине XIX вв. были во многом инициированы самодержавием. Кроме того, в обозначенный период являлось систематическим непосредственное вмешательство власти в быт дворянства, использование различных механизмов воздействия на образ жизни и ценности дворянства, в том числе и провинциального.

Подобная тенденция была обусловлена историческими особенностями социального положения благородного сословия. Дворянство, еще в XVII в. обладающее исключительным правом владения земельной собственностью и крестьянами, существенно укрепило свой статус первого сословия с принятием петровской «Табели о рангах» и ряда указов Елизаветы Петровны, укрепивших монопольное право дворян на землю и крестьян.

В «золотой век» российского дворянства Екатерина II неоднократно подтвердила особый статус первого сословия, завершив процесс его возвышения, протекающий на протяжении всего столетия. Это обусловило формирование чувства превосходства дворянства над другими сословиями, исключительности его положения. Важнейшее значение для формирования новой повседневной культуры дворянства имело долгожданное освобождение «благородных» от государственной службы. Манифест 1762 г. способствовал обновлению духовной жизни русской провинции, оформлению уникальной усадебной среды, развитию всех отраслей культуры России, но в то же время он обособил дворянство, предопределил дистанцию между «благородным» и другими сословиями, кризисные явления в общественных отношениях XIX века. Созыв Уложенной комиссии в 1767 г. консолидировал дворянство, не имеющего опыта общинной или корпоративной жизни.

Предоставление «благородным» широких полномочий на местах в ходе

губернской реформы 1775 г. не только давало дворянству внутреннюю организацию, повышало его политическую значимость, способствовало консолидации сословия, предопределило приток дворянства в провинцию, но и превращало участие в сословном управлении в значимую составляющую образа жизни помещиков. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. подтверждала исключительные привилегии дворянства, вводила дворянское самоуправление на уровне губернии, создавала условия для распространения в провинции дворянского предпринимательства. Расширение власти дворян над крестьянами указами 1760, 1765, 1767 гг. способствовали закреплению в сознании дворянства тезиса о естественности крепостного права и преобладанию в провинциальной среде помещиков-крепостников.

Социальная политика Павла I, трактуется исследователями от антидворянской до продворянской, причем каждая точка зрения находит подтверждение в законодательстве императора. Но сущность павловских преобразований – в укреплении государственного аппарата и монархии, что было гарантией благополучия и высшего сословия. Отмена ряда привилегий дворян представляется попыткой ликвидировать консерватизм дворянства, не осознающего, что акции императора по централизации государственной власти – в его же интересах. Тем не менее, непопулярная в дворянских кругах политика Павла I, жесткая регламентация быта серьезно осложнили взаимоотношения самодержавия и дворянства, создали предпосылки для падения авторитета императора в глазах первого сословия.

Александр I восстановил действие Жалованной грамоты дворянству 1785 г., «Манифестом о вольных хлебопашцах» 1803 г. подчеркнул неприкосновенность главного исключительного права дворян – на крестьян, создал условия для повышения образовательного уровня высшего сословия и роста читательских интересов, формирования буржуазных ценностей высшего сословия. Повышалась и роль дворян в местном самоуправлении в целом – расширялось участие дворян в погашении государственных долгов, в реализации рекрутской повинности. Детальная регламентация сословных обязанностей дворянства ориентировала его на активное участие в самоуправлении, на восприятие этой деятельности как почетного долга.

В период «апогея самодержавия» Николай I манифестом от 6 декабря 1831 г. существенно ограничивались избирательные права мелкопоместного дворянства. В результате, например, в Ярославской губернии в 1850 г. право непосредственного голоса на выборах имели чуть более 7 % всех потомственных дворян, в Пензенской в 1849 г. – 7,4 %. В интересах дворянства 28 ноября 1844 г. был отменен указ об «экзамене на чин» для чиновников с VIII класса Табели о рангах. Указом 1845 г. о повышении чинов, которые требовались для получения дворянства в порядке выслуги, высшее сословие ограждалось от притока чуждых ему элементов.

Во второй половине XVIII–середине XIX вв. самодержавие предприняло ряд мер, направленных на расширение дворянского землевладения, стимулирование прогрессивных тенденций в развитии поместий и дворян-

ского предпринимательства. Однако, несмотря на все усилия правительства, к середине XIX в. в результате разорения и оскудения многих дворянских родов дворянское землевладение значительно сократилось, что больно ударило по экономическим интересам дворянства и привнесло в повседневную жизнь бесконечные драки за землю, разделы и заклады имений, массовые конфликты. Правительственная поддержка дворянского предпринимательства, с одной стороны способствовала его последовательному превращению в один из важных источников дохода и составляющую быта части дворянства, с другой – лишала сословие хозяйственной инициативы, поддерживала в его сознании зависимость от монаршей милости.

Существенное влияние на формирование повседневности российского дворянства оказала активная внешняя политика Российской империи во второй половине XVIII – середине XIX столетий. В период Семилетней войны, заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. дворяне получили возможность познакомиться с буржуазными ценностями, новейшими достижениями Западной Европы и передовой литературой.

Эволюция дворянства во второй половине XVIII – середине XIX вв. сопровождалась углублением его внутрисословной стратификации. По подсчётам М. В. Кабузана и С. М. Троицкого, в 1782 г. в России было 108255 дворян (0,79 % населения), в 1795 г. – 362574 (2, 22%), в 1850 – 419870 (1,5 %). При этом дворянство было крайне неоднородно. Важнейшим критерием дифференциации дворянства выступало его имущественное положение, исходя из чего ещё М. В. Семёвский подразделял дворянство екатерининской эпохи на мелкое (59 %), средне-(25 %) и крупнопоместное (6 %). В XIX в. дифференциация дворянства ещё более углубляется: в 1858 г. в Ярославской губернии, где насчитывалось 3871 дворянское имение, 80 % помещиков входили в группы мелкопоместных и бедных.

Стратификации дворянства способствовало и его происхождение, исходя из которого оно делилось на потомственное и личное дворянство. Так, в конце XVIII в. в Тверской губернии насчитывалось 62 рода личных дворян и 213 родов – потомственных, в Ярославской губернии – 20 родов личного дворянства и 16 – потомственных. На статус и образ жизни дворянина влияли и другие факторы: система чинов, титулы (князя, графа и барона), национальность, вероисповедание и место жительства.

В целом, во второй половине XVIII – середине XIX вв. дворянство сохранило и расширило свои привилегии, получило неоднократные доказательства своей исключительности. Перманентная правительственная поддержка обеспечила расширение дворянского землевладения, свободу выбора рода деятельности, укрепление власти помещика над крепостными, рост влияния дворянства в управлении на местах. Все эти факторы создали основания для формирования уникальной повседневной культуры провинциального дворянства.

В разделе **«Эволюция усадебного пространства»** подчеркивается, что исследование дворянской усадьбы на современном этапе развития историче-

ской науки неразрывно связано с семиотикой усадебного пространства. Семантически фиксировались не только внешнее и внутреннее пространство усадьбы, но и его архитектурная среда.

Характеризуя эволюцию усадебного пространства на основе изучения материалов губерний Центральной России и Среднего Поволжья, можно выделить ряд тенденций, свойственных для обозначенного процесса. Дворянская усадьба, сконцентрировавшись на стадии своего формирования на хозяйственной функции, в период своего расцвета – второй половине XVIII – середине XIX вв., трансформировалась в особую культурно-просветительскую, эстетическую, воспитательную, духовную, творческую среду, обладающую сложной структурой, символичностью основных компонентов, подчеркивающих исключительность социального положения дворянства, многофункциональностью. Под влиянием идей Просвещения характерными для усадеб становятся вкус, стиль, продуманность композиции и семантическая насыщенность усадебного пространства. Однако процесс европеизации дворянских усадеб затронул, преимущественно, состоятельное дворянство центральных губерний. Соответственно, дифференциация усадеб в зависимости от принадлежности дворянина к той или иной ступени внутрисословной иерархии в изучаемый период становится все более отчетливой, что подтверждают как мемуары, так и материалы вотчинного делопроизводства личных фондов дворян. На основе обозначенных источников в разделе реконструирован внешний и внутренний облик усадеб аристократии, среднепоместного и мелкого дворянства. В губерниях, удаленных от центра, в том числе и средневожских, в небольших помещичьих имениях, дворянская усадьба хранила традиционные, старорусские черты и тяготела к реализации экономической функции. Однако это не означало, что усадьба мелкопоместного владельца не могла выполнять эстетическую или творческую функцию, её состояние определялось скорее индивидуальными особенностями владельца, хотя зависело и от социального статуса, материального положения. В целом, усадьба сыграла определяющую роль в формировании культуры дворянской повседневности, обусловив её самобытность, заложив традиции, которые надолго пережили век существования многих усадеб.

В то же время к середине XIX в. окончательно складываются предпосылки для пореформенного кризиса дворянской усадьбы: непоправимый ущерб от нашествия Наполеона и социальных волнений первой половины XIX в.; разорение владельцев в силу их неумения приспособиться к новым, рыночным отношениям в экономике; трансформация дворянского восприятия усадьбы (от ассоциации с райским покоем до своеобразной ссылки).

В разделе **«Экономическая деятельность и выполнение сословных обязанностей как составляющие повседневной жизни провинциального дворянства»** показано, что неповторимость усадебной атмосферы определялась не столько её внешним обликом и внутренним интерьером, сколько особой моделью повседневной жизни. Данные источников свидетельствуют о

несостоятельности мифа о «элитарном гоноре праздного класса», презрительно сторонящегося участия в производстве и торговле.

Управление имением, особенно в черноземных губерниях Центральной России и Среднего Поволжья, во второй половине XVIII – середине XIX вв. выступало важной составляющей повседневной жизни провинциального дворянина, определяло его жизненный уклад, занимало значительную часть времени, вызывало немало переживаний помещика и даже способствовало формированию разных типов дворянского мировоззрения.

Особенности управления имением в конкретной губернии во многом определяла углубившаяся в изучаемый период специализация различных регионов страны. Хозяйственный облик губерний Черноземного центра (Тульской) и Среднего Поволжья (Пензенской, Симбирской) определяло постоянно увеличивавшееся производство зерна на продажу, в котором важную роль играло помещичье хозяйство. Втягивание дворянского поместья в товарное производство означало и увеличение значения хозяйственных забот в жизни помещика. Из 218 дел, датируемых 1750–1860 гг. и извлеченных из личных фондов дворян, 167 (76,6 %) непосредственно связаны с управлением имением и экономическими проблемами вотчинного управления. Речь идет о приходно-расходных книгах, наказах и письмах управляющим, делах о разделах и закладах имений, земельных спорах, долгах, челобитных экономического характера и др. При этом количество подобных дел, датируемых первой половиной XIX в., превышает количество аналогичных дел второй половины XVIII в. примерно на 29 %, что свидетельствует о возрастании интереса помещика к управлению хозяйством в условиях развития рыночных элементов в российской экономике. Обозначенную тенденцию подтверждают активное участие помещиков деятельности ВЭО, популярность сельскохозяйственных журналов, организация опытных хозяйств, появление уже во второй половине XVIII в. совершенно нового типа помещика-экспериментатора.

Дворяне-новаторы стремились повысить доходность своих имений путем применения новых методов ведения сельского хозяйства: вводили многопольный севооборот, приглашали из-за границы специалистов-фермеров, выписывали дорогостоящие сельскохозяйственные машины, удобрения, новые сорта семян, улучшенные породы скота. В работе проанализированы опытные хозяйства тульского дворянина А. Т. Болотова, тверских помещиков А. С. Баклановского и В. Приклонского, ярославских животноводов Мусиных-Пушкиных, Азанчевых, нижегородских рационализаторов И. Н. Крекшина, В. Л. Демидова, новаторский аграрный опыт которых актуален и сегодня.

Примеры нового хозяйствования не были типичными: большинство помещиков думало, что можно ограничиться паллиативами, «подтянуть» вотчинную администрацию и крестьян. Поэтому среди дворян второй половины XVIII в. преобладающим был другой тип – крепостника, использующего, преимущественно, административные, неэкономические методы ведения хозяйства – расширение барской запашки, рост крестьянских повинностей.

Преобладание барщинных имений было традиционно характерно для губерний Центрально-черноземного района, особенно для Тульской губернии. Так, в 1760-е гг. в губернии удельный вес барщинных крестьян составлял 92 %, а в 1858 г. – 75 %. К середине XIX в. резко расширили применение барщины и помещики Пензенской губернии.

Среди помещиков-крепостников выделялись две группы владельцев: одни не доверяли поместью управляющим и хозяйствовали лично, другие – в силу занятости, наличия нескольких имений или частых разъездов полностью передавали управление хозяйством в руки старосты или управляющего. Переписка с управляющими по хозяйственным вопросам занимает существенное место в личных фондах дворян Коротневых, Сухотиных, Самариных, Опочининых, Глебовых-Стрешневых, Полянских, Черемисиновых, Чернышевых и др. Даже управляя имением на расстоянии, дворяне на это тратили немало времени, сил, испытывали массу переживаний. В большинстве дворянских писем к управляющему ощущается недовольство и недоверие хозяина. В результате весьма распространенным в дворянской среде стало убеждение, что «лучше один хозяйский глаз, нежели многия работничья руки сделать могут».

Во второй половине XVIII – середине XIX вв. всё больше возрастает роль женщины – супруги владельца в управлении помещичьим имением. Не случайно управляющие имениями нередко посылали свои отчеты на имя не только помещика, но и его жены. Так, в личном фронде Бешенцовых все «донесения их крепостного приказчика И. Ф. Сулова по имущественно-хозяйственным вопросам» их имения в Алатырском уезде адресованы обоим супругам – И. Ф. и Е. Г. Бешенцовым. М. В. Короткова выделяет особый тип женщины, сформировавшийся в обозначенный период и получивший распространение как в столице, так и в провинции – хозяйки-помещицы. Обладая деловитостью, практичностью, консервативностью, такая дворянка могла быть достаточно жесткой и даже самовластной в обращении с крестьянами.

Экономическая деятельность дворянства во второй половине XVIII – середине XIX вв., в условиях постепенного и весьма болезненного приобщения дворянских поместий к рынку, нередко была источником внутрисемейных проблем, конфликтов, длительных судебных тяжб. Если экономическая стабильность имения дворянина находилась под угрозой, он мог пойти даже на самые крайние меры для спасения своей собственности. Помимо семейных конфликтов, подобная тенденция порождала многолетнюю вражду с соседями, бывшими друзьями, сослуживцами, которая стала выступать неким «фоном» усадебной жизни, составляющей повседневной жизни.

В губерниях Центрально-промышленного района (Тверской, Ярославской, Нижегородской) концентрировались наиболее значительные промышленные и торговые центры страны, преобладали неземледельческие занятия. В конце XVIII – середине XIX вв. здесь стало развиваться дворянское предпринимательство. Управление заводами и фабриками занимало значительную часть времени, формировало новые, буржуазные ценности ярославских, тверских и нижегородских дворян. Существенный доход приносило дворя-

нам винокуренное производство, чему способствовала протекционистская политика и монопольное право высшего сословия на винокурение. Уже в 1790-х гг. помещики Тверской губернии заняли одну из лидирующих позиций по объему поставки вина. Основная доля в общей сумме поставки принадлежала крупным предприятиям помещиков В. Самарина, Ф. Л. Карабанова, Ф. М. Желябужского, Ф. С. Кисловского. Винокуренное производство достаточно быстро развивалось в Нижегородской и Ярославской губерниях. В изучаемый период возрастает и количество других дворянских предприятий. Предпринимательская деятельность была связана с серьезными затратами, определенными рисками, поэтому требовала тщательного планирования и вызывала немало эмоциональных переживаний дворян.

«Хозяйственные хлопоты», экономические интересы не только предопределили существование определенных ритуалов в ежедневном распорядке дня помещика (обход служб, инструктаж работников), но и были основной темой разговоров при приеме гостей, балах и путешествиях, влияли на формирование ценностей дворянина, выбор невесты, организацию досуга, оказывали весомое воздействие на весь усадебный мир, на взаимоотношения помещика с крестьянами.

Новые тенденции в образ жизни помещика внесло и произошедшее на протяжении изучаемого периода расширение политических функций дворянина. Участие в работе дворянских собраний, деятельности местной правительственной администрации стало неотъемлемой частью жизни «благородных», сыграло важную роль в формировании сословных ценностей и этикетных норм, реализации служебного долга и корпоративных интересов дворян, распространении благотворительности в дворянской среде, способствовало социо-культурному развитию российского общества в целом. Однако подобная деятельность могла выступать и источником конфликтов, разобщенности дворянских обществ на уровне губернии или уезда, что имело место как в центральных, так и средневожских губерниях. В разделе реконструирована ситуация стойкого неприятия пензенским дворянством отца мемуариста Ф. Ф. Вигеля на посту губернатора. Подобные явления во многом были вызваны трансформацией отношения дворян к власти в целом, распространением в России свободомыслия.

В целом, хозяйственная и сословная деятельность дворянина, сопровождающаяся в условиях крепостной России рядом перманентных проблем и противоречий, была самым динамичным аспектом его быта, отражая эволюцию взаимоотношений дворянства и власти, внутрисословную дифференциацию, новые тенденции в разных сферах российского общества, региональную специфику, формируя ценности и приоритеты дворянства, превращая дворянское имение в социально-экономический центр провинции.

В разделе **«Образ жизни дворянской провинциальной семьи»** отмечается, что во второй половине XVIII – середине XIX столетий он определялся индивидуальными потребностями, ценностями, интеллектуальными запросами каждого представителя высшего сословия, но в то же время во-

плотил в себе целый ряд общих черт, типичных для всех «благородных» – непосредственную зависимость от места проживания, склонность к заимствованиям, ориентацию на религиозные ценности. Особенностью провинциальной повседневной жизни были её размеренность и однообразность. Жизненный уклад дворянства в изучаемый период наглядно характеризует их отношение ко времени. Большинство дворян следили за историческими событиями, происходящими в стране, переживали их, имели даже возможность сравнивать разные исторические эпохи. Подтверждение этому мы находим в мемуарах А. Т. Болотова, Ф. Ф. Вигеля, И. А. Глухова. С другой стороны, дневники, письма провинциального дворянства воплотили замедленность времени, вялость течения жизни в провинции, порождавших скуку и уныние. Чрезвычайно показателен в этом отношении дневник Е. П. Чемецова. Соответственно, осознание времени дворянином зависело от ценности и значимости тех происшествий, которыми была наполнена его жизнь. При этом важным фактором выступает сезонность повседневной жизни дворянина. Жалобы на скуку и уныние характерны для конца осени – зимы, и реже встречаются весной – летом. Это, преимущественно, касалось тех помещиков, которые жили в удаленных от столицы губерниях, например, Пензенской, Симбирской, и не выезжали на зиму в Москву. Обозначенная тенденция сохранялась и в первой половине XIX в.

Под влиянием различных факторов, главными из которых являются специфика каждой эпохи, дворянская политика правительств, личный пример монарха, на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX вв. трансформируются и семейные отношения благородного сословия. Если ранее главной особенностью провинциальной дворянской семьи была ее патриархальность, выражающаяся в беспрекословном подчинении воле главы семейства, приниженном положении женщины, то теперь в результате изменения самой основы брака отношение мужа к жене стало более уважительным; общение между «отцами» и «детьми» приобрело тенденцию к паритетности; закрытость и замкнутость нравов дворянской семьи заменяются гостеприимностью и общительностью. Отношение родителей к детям наглядно демонстрирует пример симбирского дворянина П. Н. Ивашева, который в 1837 г., предчувствуя свою близкую кончину, решился обратиться к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу с просьбой ходатайствовать перед императором об утверждении своего духовного завещания в пользу внуков, детей его ссыльного сына декабриста В. П. Ивашева. Его письмо отразило восприятие дворянами родительского долга как беспрестанной заботы об участи и благосостоянии детей. С другой стороны, дворянские дети в условиях утверждения капитализма все более очевидно демонстрируют во взаимоотношениях с родителями внутреннюю свободу и индивидуализм.

В связи с приоритетом того или иного стиля в искусстве, увеличением форм общения дворянства, законодательной инициативой правительства, западноевропейским влиянием во второй половине XVIII – середине XIX вв. происходят существенные изменения в костюме и внешнем облике дворян.

Характерной становится постепенная европеизация дворянского костюма, распространяющаяся из столицы в провинцию и отвечающая практическим потребностям господствующего сословия, его стремлениям выделиться из сословного общества. Европеизация костюма и внешнего облика дворянина происходила в провинции медленнее, чем в столице, что предопределило появление в дворянской провинциальной среде чувства несоответствия своему сословию. В этих условиях внешний лоск становится одним из главных признаков принадлежности к дворянской корпорации, что стимулирует в провинции начало процесса «погони за модой», принимающего самые причудливые формы – от безвкусного подражательства до стремления потратить всё годовое состояние на костюм для столичного бала.

В целом, концентрация центральных губерний вокруг Москвы обеспечивала высокую степень европеизации усадебного пространства, костюма и внешнего облика, поведенческих стереотипов и других составляющих повседневной жизни дворянства обозначенного региона. Повседневность дворянства Среднего Поволжья отличалась высокой степенью традиционности, подражательностью, демонстративностью быта, вызванной стремлением соответствовать столичной аристократии. Поэтому средневолжское дворянство стало участником создания особого типа повседневной культуры, сохранившего элементы русских традиций в европеизированном быте России.

В третьей главе **«Развлечения и домашние обряды провинциального дворянства: традиции и новации»** анализируются обозначенные аспекты дворянской повседневности.

Первый раздел **«Повседневный досуг дворянской семьи»** отражает степень соотношения нового и традиционного в будничных развлечениях дворянства. Среди повседневных развлечений помещика в связи с возрастанием коммуникативности дворянских семей, концентрацией дворян на местах и их потребностью в обмене сельскохозяйственным опытом, особое значение приобретает *прием гостей*. Главная особенность названного ритуала – его непосредственная зависимость от внутренней иерархии дворянства. Все основные элементы данного обряда – приветствие гостя, общение с ним, организация его досуга, прощание – определялись общественным статусом, чином, уровнем состоятельности, знатностью рода как хозяина, так и гостя. В провинции, и особенно в средневолжских губерниях, короткому официальному городскому визиту дворяне предпочитали длительное гостевание. Поскольку жизнь провинциального дворянина отличалась уединенностью, то именно общение вносило определенное разнообразие в монотонный распорядок дня сельского помещика. В провинции ритуал приема гостей также был подчинен формальностям, но они были не столь строгими, как в столице, причем обозначенная тенденция была более выраженной в удаленных от центра губерниях.

В изучаемый период новые функции приобретают такие повседневные занятия дворянина как **прогулки и чтение**. В век Просвещения и последующего увлечения образованных людей прогрессивными идеями, ежедневный ритуал прогулки приобретает значение не просто отдыха, а отдыха интеллектуального. Этому способствует и особый порядок обустройства садов и парков, каждый элемент которых обладал определенной смысловой нагрузкой. Если во второй половине XVIII в. благодаря распространению идей Просвещения, экономическим новшествам в развитии страны, повышению культурного уровня российского общества в целом, чтение и книга только входят в быт дворянина, то в первой половине последующего столетия круг его читательских интересов значительно расширился. В дворянской среде приобретают популярность сентиментальные романы, исторические произведения, сочинения просветителей, научные, экономические, нравоучительные трактаты, зарубежная литература, разнообразные журналы и газеты. Широкий кругозор, начитанность, знание литературных новинок становятся обязательным условием успеха дворянина в карьере и сословной среде. Существенную роль при этом сыграли распространение передовых идей в обществе, появление радикальных периодических изданий, литературных кружков и салонов, «золотой век» русской литературы. Серьезное, вдумчивое, увлеченное чтение становится обязательной составляющей повседневной жизни высшего сословия. Но подобная тенденция больше была распространена в столицах и центральных губерниях России. В средневожских губерниях читающих помещиков было меньше.

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. существенно расширяется спектр **увеселений, игр и забав** высшего сословия. Существенно расширился спектр увеселений, игр и забав высшего сословия. Относительно влияния внутрисословной дифференциации на названный элемент дворянского быта, можно говорить о его двойственности и противоречивости. С одной стороны, традиционные народные увеселения объединяли дворянство с другими сословиями, с другой – распространение получают аристократические развлечения, предназначенные исключительно для узкого круга избранных, дворянской элиты. Особое значение они имели в столицах и центральных губерниях России, но постепенно заимствовались и периферией.

Второй раздел посвящен изучению **сезонных развлечений дворянства**, среди которых во второй половины XVIII – середине XIX вв. выделяется **охота**. В провинции была распространена как псовая, так и оружейная охота. Она представляла собой не только излюбленное развлечение дворянства, но и способ демонстрации принадлежности к высшему сословию, акцентирования внимания на своем статусе. Соответственно, названный аспект повседневной жизни дворянства не испытывал на себе влияния сословной дифференциации, был распространен как в столичной, так и в провинциальной дворянской среде, как в центральных, так и в средневожских губерниях, и соответственно, способствовал единению дворянской корпорации.

Путешествия провинциальных дворян второй половины XVIII – середины XIX вв. имели большое значение для обогащения их духовного мира, воспитания и образования детей, консолидации сословия, и, самое главное, для ускорения заимствования провинцией достижений столичной культуры, а столицей – европейских новшеств. Цели путешествий, их уровень, содержательная сторона определялись не только конкретными потребностями дворянина в определенный период, но и его знатностью, общественным статусом, материальным доходом. При этом восприятие столицы существенно различалось у дворян центральных и средневожских губерний. Первые не видели в ней существенных отличий от губернских центров, а последних поражали столичные нормы поведения, ритм жизни и обилие впечатлений. После пребывания в другой социальной среде дворянство распространяло в своем кругу новые нравы, вкусы, ценности, достижения культуры, нормы этикета, стереотипы поведения. В результате под влияние европейской и столичной культуры попадала даже та часть дворянства, которая не имела возможности путешествовать.

Балы, маскарады и вечера второй половины XVIII – середины XIX вв. определяли одну из характерных особенностей феномена дворянской повседневности – ориентацию на мнение «света», зависимость поведения и мышления дворянина от запросов дворянского общества, требований этикета. Причем это касалось как столичной аристократии, так и провинциального дворянства. С одной стороны, балы выполняли коммуникативную функцию, способствуя единению дворянской корпорации, формированию чувства сословного единства, с другой – формировали демонстративность, показательность, подражательность провинциальной дворянской повседневности. Последняя тенденция была особенно выражена в удаленных от центра губерниях, в том числе и средневожских, на что обращали внимание даже иностранные путешественники.

Восприятие провинциальным дворянством **театральных представлений и музыкальных концертов** во второй половине XVIII – середине XIX столетий было связано с основными этапами развития русского театра и музыкального искусства, определяясь целым рядом факторов. Если в первой половине XVIII в. театр был достоянием придворной аристократии, то в эпоху Просвещения театр становится доступным для разных категорий дворянства. В этот период как столичная аристократия, так и провинциальная дворянская публика одинаково необъективна и восторженна в оценках русского театра, что объясняется новизной и зрелищностью этого развлечения. В то же время иностранцы воспринимают русский театр, особенно провинциальный, как весьма посредственный. Отношение дворянства к новому развлечению демонстрирует и быстрое распространение усадебных театров, начавшееся в екатерининскую эпоху.

В первой половине XIX в. преобладающим становится интерес дворянского зрителя к русскому драматическому искусству, а восприятие столичным и провинциальным дворянством театральных постановок

приобретает всё более критичный и осмысленный характер, характеризуется акцентированием внимания на мастерстве выдающихся актеров. При этом отношение разных категорий высшего сословия к театральному и музыкальному искусству зависело не столько от знатности, статуса, обеспеченности дворянина, сколько от его личных вкусов, пристрастий, уровня образования, места проживания, специфики эпохи, господствующего в искусстве жанра, личного примера императора. Доступность театра и музыкального искусства как для столичной аристократии, так и для рядового провинциального дворянства позволяет считать их своеобразной формой взаимодействия столичной и провинциальной культур.

В целом, сезонные развлечения дворянства как центральных, так и средневожских губерний в изучаемый период способствовали формированию определенных особенностей дворянской повседневности. Пристрастие дворянства к охоте явно отразило его стремление подчеркнуть свою исключительность, корпоративность; в путешествиях и увлечении театром проявилось взаимодействие столицы и провинции, европейское влияние; балы и маскарады свидетельствовали о ярко выраженной зависимости сословия от мнения «высшего света», показательности и демонстративности дворянского быта, важной роли этикета в повседневной жизни «благородных».

Более консервативными и связанными с древнерусскими традициями были **домашние обряды** дворян, проанализированные в третьем разделе. Кроме того, они были однотипными для всех категорий высшего сословия, не имели существенных различий в Центре и Среднем Поволжье России. Так, рождение ребенка в дворянской семье сопровождалось обрядами, основанными на народных обычаях и православной культуре (выбор крестных, крестины, крестильные пиры) и не отличающимися от подобных обрядов предшествующих времен. Традиционными были предсвадебные и свадьба дворян. Но под влиянием роста общего культурного уровня благородных, авторитета женщин в российском обществе для названных домашних обрядов характерен постепенный отказ от некоторых средневековых предрассудков (жених и невеста могли познакомиться до свадьбы; воля родителей не всегда доминировала при выборе суженых для своих детей). Весьма консервативным оставался и обряд погребения. Необходимым его условием считалась организация печальной церемонии «по-христиански», с соответствующими церковными обрядами – отпеванием в церкви, «поминовением» и др.

В четвертой главе «**Система ценностей провинциального дворянства во второй половине XVIII – середине XIX столетий**» анализируются пути формирования и сущность основных ценностных ориентиров провинциальной дворянской среды.

Важнейшую роль в формировании мировоззрения, ценностных ориентиров провинциального дворянства играли **воспитание и образование дворянских детей**. На протяжении второй половины XVIII – середины XIX вв. дворянская система воспитания, ориентированная на православные ценности,

достижение определенного поведенческого идеала, строгое соблюдение норм этикета, быстро доказала свою эффективность и нашла применение в педагогике сословных учебных заведений – дворянских пансионов, лицеев, кадетских корпусов. При этом идеи, на которых базировалось дворянское воспитание, были едиными для разных категорий сословия. В то же время очевидна дифференциация дворянского образования, которая помимо очевидных негативных, имела и положительные последствия: традиционное домашнее образование мелко- и среднепоместных дворян, приобретаемое в провинции, противостояло повсеместному распространению западноевропейских стереотипов мышления, насаждаемых доступным только для обеспеченных дворян иностранным наставничеством. При этом архивные материалы опровергают стереотип о повсеместной необразованности провинциального дворянства. Результаты анализа реестров недорослей Герольдмейстерской конторы показывают, что уже в 1750 г. среди 7-летних помещичьих детей 59,3 % были обучены «грамоте российской читать», а писать обучались; 29,5 % обучались чтению и письму, и лишь 11,2% были неграмотными.

Изменяется и содержательная составляющая образования: если ранее она ограничивалась богословскими предметами, то «век Просвещения» вызвал необходимость изучения точных наук, инженерного дела, французского и немецкого языков. Это было обусловлено потребностью молодой империи в грамотных специалистах, владевших техническими знаниями. В этот же период появляются предметы, обязательные именно для дворянского образования, призванные подчеркнуть элитарность, исключительность дворянского сословия – музицирование, живопись, верховая езда, фехтование. В первой половине XIX столетия расширяются как возможности получения образования дворянством, так и круг изучаемых дисциплин. Разностороннее образование становится одним из главных слагаемых успеха дворянина как в обществе, так и в карьерном росте.

В разделе **«Дворянская честь как основа сословного сознания «благородных»»** подчеркивается, что понятие чести хотя и было основой дворянского самосознания, в XVIII – первой половине XIX вв. постоянно видоизменялось. До середины XVIII столетия большинство дворян соотносили честь не с личностью, а с родом, происхождением. Благодаря усилиям Петра Великого, Екатерины II, Павла I в сознание дворян входит понятие личной чести как кодекса моральных правил и норм, которым должен следовать каждый «благородный». Стремление строго следовать эталонам дворянской чести становится наиболее выраженным в первой половине XIX века, на который приходится всплеск дворянских дуэлей – «поединков чести». Однако понятие «честь» воспринималось неоднозначно разными категориями дворянства. Провинциальное среднее и мелкопоместное дворянство не вкладывало в него такой глубокий смысл, как аристократия («что нам честь, ежели нечего будет есть»), но стремилось соответствовать корпоративным эталонам поведения «человека чести».

Раздел **«Монарх и Отечество в мировоззрении высшего сословия»** посвящен анализу обозначенных ценностных ориентиров дворянства. При этом подчеркивается, что самодержавие как в процессе личного общения монарха с дворянами конкретной губернии, так и при помощи соответствующих формулировок в императорских указах активно использовало возвеличивание власти как инструмент формирования требуемого отношения дворянства к императору. В этом отношении показателен, например, указ о награждении симбирского губернского предводителя дворянства князя М. П. Баратаева орденом святой Анны второй степени от 28 сентября 1824 г., в котором подобная монаршая милость мотивируется «всегдашним усердием и преданностью» симбирского дворянства императорской власти.

На протяжении второй половины XVIII – середины XIX вв. преданность монарху являлась не только важнейшей характеристикой менталитета высшего сословия, но и той его составляющей, которая объединяла столичное и провинциальное дворянство. Поскольку категории «монарх» и «Отечество» длительное время отождествлялись в сознании благородного сословия, то его патриотические идеалы были неразрывно связаны с отношением к монарху. Под влиянием различных факторов, главными из которых являются дворянская политика правительств, личный авторитет монарха, целесообразность внешней политики государства, западноевропейские политические учения, развитие общественно-политического движения в России патриотическое сознание дворянства постоянно трансформировалось. Если в начале царствования Романовых дворянин слепо поклонялся царской власти и ощущал себя рабом царя, в XVIII веке понятия «император» и «Отечество» отождествляются в его сознании, то в первой половине последующего столетия в мировоззрении высшего сословия патриотизм, преданность Родине постепенно начинают превалировать над взаимоотношениями с монархом. Причем падение авторитета монарха было более выражено в удаленных от центра губерниях, которые не были подвержены сильному влиянию двора и нередко являлись местом нахождения опальных, оппозиционных власти дворян.

В разделе **«Отношение к службе и институт покровительства в социальной психологии дворянства»** показано, что если в XVII в. дворянство как служилое сословие не представляло себя вне преданной службы государю, то к середине следующего столетия оно всё более тяготится этой тяжелой обязанностью, которая в условиях формирования рыночных отношений в стране препятствовала реализации экономических интересов большинства помещиков. Освобождением дворянства от обязательной службы в 1762 году не воспользовались лишь часть аристократии, приближенная ко двору, не нуждающаяся в дополнительных доходах и те дворяне, которые «служили из чести». Остальные, воспринимая службу как ненавистную и тяжелую обязанность, с ликованием восприняли долгожданное освобождение от службы. В первой половине XIX столетия приоритеты дворянства ещё более изменяются: служат теперь не государю,

как ранее, а Отечеству. Служебный долг всё чаще уступает место экономическим и семейным интересам, и становится значимым для высшего сословия лишь в моменты реальной угрозы безопасности родины.

Важной составляющей системы ценностей всех категорий дворянства на протяжении изучаемого периода было стремление решить свои проблемы через влиятельного покровителя. Так, в личных документах нижегородских состоятельных помещиков Шереметевых нами было обнаружено множество писем с просьбами о покровительстве в решении самых разных вопросов – от карьерных до материальных. Нижегородский дворянин М. Я. Чаадаев часто покровительствовал даже незнакомым людям. Для достижения желаемого результата просители ссылались на родство, дружеские отношения с покровителем, взывали к его религиозным чувствам. Однако если в XVIII в. дворяне при выборе покровителя задумывались лишь о достижении поставленной цели посредством его помощи, то в первой половине XIX столетия стали тщательно следить за тем, чтобы патронажные связи не нанесли урон репутации дворянина.

Превосходство над другими сословиями и осознание внутрисословной иерархии стимулировались правительством и были типичны для всех категорий высшего сословия во второй половине XVIII – начале XIX вв., в том числе и для провинциального дворянства, особенно центральных губерний России. К середине XIX столетия в условиях постепенного разорения и падения авторитета дворянства в российском обществе, представители «благородных» становятся более лояльными по отношению к другим сословиям и даже пытаются улучшить их положение, ярким подтверждением чего является распространение в обозначенный период дворянской благотворительности. Новая черта дворянского мировоззрения проявляется и в отношении «благородных» к другим категориям своей сословной корпорации: рядовое дворянство уже не стремится завоевать расположение знати, как ранее, а, напротив, дистанцируется от неё.

В изучаемый период меняется **отношение провинциальных дворян к крестьянству**. Если в «бунташном веке» дворяне воспринимали крестьян как свидетельство своего высокого общественного статуса и в то же время как источник потенциальной опасности, то в XVIII столетии, в период подтверждения исключительных привилегий дворянства, крепостное право воспринимается высшим сословием как должное. XIX век стал переломным периодом в восприятии дворянином крестьянина – началось постепенное осознание несправедливости крепостной зависимости, укрепившееся во время подготовки крестьянской реформы 1861 года. Однако отказаться от идеологии «рабства» в условиях сохранения крепостнических пережитков удалось не всем представителям высшего сословия.

В **заключении** диссертации подведены итоги исследования и сформулированы общие выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Монографии

1. Система ценностей российского дворянства в восприятии современной молодежи (к проблеме возрождения духовности в России) / Н. А. Милешина; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – 160 с.
2. Повседневная жизнь российского дворянства во второй половине XVIII – середине XIX столетий / Н. А. Милешина; Институт истории РАН. – Саранск, 2010. – 168 с.
3. Формирование нравственных приоритетов современной молодежи на основе мировоззренческих ценностей российского дворянства / Н. А. Милешина // Теоретико-методологические подходы к моделированию гуманитарных технологий в образовании: коллект. моногр. / под ред. В. В. Кадакина, Т. И. Шукшиной; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – С. 212 – 226.
4. Традиции дворянского воспитания в современной России в контексте формирования ценностных ориентиров общества / А. В. Мартыненко, Н. А. Милешина, Т. Д. Надькин и др. // Историко-правовые и психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма и ксенофобии в России: коллект. моногр. / под ред. А. В. Мартыненко. – Саранск, 2010. – С. 16 – 32.

II. Публикации в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

5. Традиции дворянского воспитания и формирование толерантности современной молодежи / Н. А. Милешина // Вестник Чувашского университета. – Сер. «Гуманитар. науки». – 2009. – № 1. – С. 74 – 80.
6. Система ценностей российского дворянства XVII – XIX веков в контексте формирования нравственных приоритетов современного общества / Н. А. Милешина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 4. – С. 93 – 102.
7. Трансформация патриотического сознания российского дворянства в XVII–XIX столетиях / Н. А. Милешина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т. 2. – № 2 (34). – С. 14 – 22.
8. Театральные представления XVII–XIX веков в восприятии столичного и провинциального дворянства / Н. А. Милешина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 8. – С. 37 – 46.
9. Кадетское образование в России: исторический опыт и современные перспективы / Н. А. Милешина // Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. «История и полит. науки». – 2010. – № 3. – С. 53 – 57.

10. Дворянские путешествия XVIII – XIX веков как форма взаимодействия столицы и провинции / Н. А. Милешина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 7. – С. 92 – 100.

11. Повседневная жизнь российского дворянства XVII – XIX вв. в оценках советских и современных историков / Н. А. Милешина // Известия Уральского гос. ун-та. – 2010. – Сер. 1. (Пробл. образования, науки и культуры). – № 5 (84). – С. 200 – 207.

12. Российское дворянство XVII – XIX вв. в контексте трансформации внутрисемейных отношений / Н. А. Милешина // Вестник Челяб. госуд. ун-та. – Сер. История. – 2010. – № 30 (211). – С. 5 – 11.

13. Возрождение усадебных традиций российского дворянства в деятельности «Общества изучения русской усадьбы» / Н. А. Милешина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 2. – С. 87–91.

14. Предпринимательство и его роль в повседневной жизни российского провинциального дворянства конца XVIII– середины XIX столетий (на материалах губерний Центральной России) / Н. А. Милешина // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 4. – С. 78–86.

15. Проблемы сохранения усадебного наследия российского дворянства в современном законодательстве и на практике / Н. А. Милешина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1. – Ч. 1. – С. 132–135.

III. Публикации в других научных изданиях

16. Быт провинциального дворянства второй половины XVIII века по «Запискам...» А. Т. Болотова. Историография проблемы / Н. А. Милешина // «XXXIV Евсевьевские чтения»: материалы науч.-практ. конф. МГПИ им. М. Е. Евсевьева «XXXIV Евсевьевские чтения», 15 – 16 апр. 1998 г. / под ред. Е. В. Лысенкова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 1998. – С. 45 – 48.

17. Быт провинциального дворянства второй половины XVIII века (историография проблемы) / Н. А. Милешина // Актуальные вопросы истории и этнологии: сб. ст. / отв. ред. Р. А. Агишев; Мордов. гос. пед. ин-т. – Вып. 2. – Саранск, 1999. – С. 81 – 85.

18. Воспитание и образование детей провинциального дворянина во второй половине XVIII века / Н. А. Милешина // Научные труды Московск. пед. гос. ун-та, сер. «Социально-исторические науки»: сб. ст. / отв. ред. И. А. Воронин; Москов. пед. гос. ун-т. – М., 2000. – С. 38 – 42.

19. Нравы дворянской провинциальной семьи второй половины XVIII столетия / Н. А. Милешина // Проблемы истории, культуры и права: материалы межрегион. науч.- практ. конф. «XXXVIII Евсевьевские чтения», ноябрь 2001 г. / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2001. – С. 14 – 18.

20. Приём гостей как один из важнейших домашних обрядов провинциального дворянства второй половины XVIII века / Н. А. Милешина // Проблемы истории, культуры и права: материалы межрегион. науч.- практ. конф. «XXXVIII Евсевьевские чтения», ноябрь 2001 г. / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2002. – С. 46 – 50.

21. Образ жизни дворянина в XVIII – XIX столетиях / Н. А. Милешина // Проблемы истории, этнологии и права : материалы межрегиональной науч.-практ. Конф. «XXXX Евсевьевские чтения», 26 – 28 нояб. 2003 г. / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2003. – С. 29 – 33.

22. Периферийный город XVIII – первой половины XIX столетия как обитель провинциального дворянства / Н. А. Милешина // Актуальные проблемы социально-экономического, историко-культурного и правового развития народов Поволжья: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Ф. Беляевой; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2005. – С. 97 – 102.

23. Пригласительные билеты Барتنевых как источник по истории дворянского быта XIX – начала XX столетия / Н. А. Милешина // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии и права: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Ф. Беляевой; Мордов. гос. пед. ин-т. – Вып. 1. – Саранск, 2007. – С. 88 – 91.

24. Читательские запросы дворянства в XIX столетии (по мемуарам современников) / Н. А. Милешина // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии и права: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Ф. Беляевой; Мордов. гос. пед. ин-т. – Вып. 1. – Саранск, 2007. – С. 92 – 95.

25. Патриотическое воспитание в России: история и современность / Н. А. Милешина // Этнокультурное и этноконфессиональное образование : проблемы и перспективы развития»: материалы междунар. научно-практ. конф., 9-11 дек. / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2008. – С. 219 – 223.

26. Реформа 1861 г. в контексте взаимоотношений крестьянства и высшего сословия / Н. А. Милешина // Власть и крестьянский социум Среднего Поволжья в исторической ретроспективе: межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. Т. Д. Надькин; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – С. 50 – 53.

27. Российское крестьянство XVII – XVIII столетий в восприятии высшего сословия / Н. А. Милешина // Власть и крестьянский социум Среднего Поволжья в исторической ретроспективе межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. Т. Д. Надькин; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – С. 31 – 34.

28. Образовательная политика Александра I : национальные традиции и западноевропейские влияния / И. М. Власкина, Н. А. Милешина // Национальная безопасность и государственные интересы России: материалы III Всерос. научно-практ. конф., 27 нояб. 2008 г. / Пензен. гос. пед. ун-т. – Пенза, 2009. – С. 131 – 133.

29. Кадетские корпуса как центры военно-патриотического воспитания в России: история и современность / Н. А. Милешина // Национальная безопасность и государственные интересы России: материалы III Всерос.

научно-практ. конф., 27 нояб. 2008 г. / Пензен. гос. пед. ун-т. – Пенза, 2009. – С. 133 – 137.

30. Просветительская деятельность декабристов в Сибири в контексте формирования толерантности в российском обществе / Н. А. Милешина, М. А. Рузанова // Молодежь и наука: проблемы современного образования : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. очно-заочной конф., 28 мая 2009 г. В 3 ч. / под общ. ред. В. В. Кадакина; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2009. – Ч. 3. – С. 25 – 28.

31. Причины распространения радикальных и экстремистских настроений в дворянской среде XIX столетия / Н. А. Милешина // Гуржіївські історичні читання: збірник наукових праць / ред. В. А. Смолій, А. І. Кузьмінський, С. Ю. Наумов. – Черкаси, 2009. – С. 218 – 222.

32. Дворянские собрания в повседневной жизни высшего сословия второй половины XVIII – XIX столетий / Н. А. Милешина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 9. – С. 62 – 64.

33. Российское Дворянское Собрание и его роль в возрождении традиций высшего сословия в современной России / Н. А. Милешина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 9. – С. 64 – 67.

34. «Дворянский вопрос» в сословной политике самодержавия XVII–XVIII веков / Н. А. Милешина // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XXXXVI Евсевьевские чтения», 19 – 20 мая 2010 г. / отв. ред. Т. Д. Надькин. – Саранск, 2010. – С. 3 – 7.

35. Образ императора в сознании высшего сословия XVIII – XIX столетий / Н. А. Милешина // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XXXXVI Евсевьевские чтения», 19 – 20 мая 2010 г. / отв. ред. Т. Д. Надькин. – Саранск, 2010. – С. 8 – 13.

36. Националистические идеи декабристов / Н. А. Милешина, М. А. Рузанова // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XXXXVI Евсевьевские чтения», 19 – 20 мая 2010 г. / отв. ред. Т. Д. Надькин. – Саранск, 2010. – С. 22 – 25.

37. Александр I в оценках историков и современников / Н. А. Милешина, М. А. Сухова // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XXXXVI Евсевьевские чтения», 19 – 20 мая 2010 г. / отв. ред. Т. Д. Надькин. – Саранск, 2010. – С. 25 – 28.

38. История повседневности: приоритетные подходы и методы исследования / Н. А. Милешина // Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров на базе ведущих научно-образовательных центров в области социально-гуманитарных наук: материалы Всерос. конф. с элементами научной школы для молодежи,

9 – 12 нояб. 2010 г. / отв. ред. И. Ф. Исаев, Н. И. Исаева. – Белгород, 2010. – С. 246 – 250.

39. Формирование и развитие государственной бюрократии в России : исторический анализ / Н. А. Милешина, О. В. Шумкина // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XXXXVI Евсевьевские чтения», 19 – 20 мая 2010 г. / отв. ред. Т. Д. Надькин. – Саранск, 2010. – С. 14 – 17.

40. Меры противодействия коррупции в России XVIII – XIX столетия/ Ю. В. Кугушева, Н. А. Милешина // Власть и общество России в модернизационных процессах нового и новейшего времени: материалы Всерос. научно-практ. конф. «XXXXVI Евсевьевские чтения», 19 – 20 мая 2010 г. / отв. ред. Т. Д. Надькин. – Саранск, 2010. – С.17 – 19.

41. Дворянские собрания в России: исторический опыт и возрождение традиций / Н. А. Милешина // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 10. – С. 19 – 28.

42. Экономические проблемы помещичьего хозяйства во второй половине XVIII столетия / Н. А. Милешина // Український селянин: зб. наук. праць / За ред. А. Г. Морозова. – Черкаси: Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2010. – Вип. 12. – С. 134 – 136.

43. Государственная служба в самосознании дворянской интеллигенции в XIX – начале XX столетий / Н. А. Милешина // Роль интеллигенции в социуме : традиции и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, 27 апр. 2010 г. / под. ред. Н. Ф. Беляевой. – Саранск, 2010. – С. 206 – 208.

44. Быт высшего сословия XVIII–XIX столетий в дореволюционной историографии / Н. А. Милешина // Научное мнение. – 2011. – № 1. – С. 15 – 25.

45. Феномен повседневности российского дворянства (вторая половина XVIII – середина XIX вв.: отличительные особенности / Н. А. Милешина // Актуальные проблемы науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27 сент. 2011 г. В 6 ч. / М-во обр. и науки РФ. – Тамбов, 2011. – Ч. 6. – С. 99–101.

46. Провинциальная дворянская усадьба во второй половине XVIII – середине XIX вв. (на материалах Среднего Поволжья) / Н. А. Милешина // Мордовский народ в составе российской государственности: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 20 окт. 2011 г. / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2011. – С. 34–39.